

L'INDÉPENDANCE SAMOSTATNOST
 HEZABИСИМОСТЬ ՀՅԾՂՅՅՈՏԾԾԼՄՂԾՏ
 HEZALEՔHICTЬ ԿՀԿԿԻԻՈՒՐԻԼԷ
 HEZALEՔHACԻԿ ٱسْتِغْلَالٌ

NIEPODLEGŁOŚĆ
 ITSENĀISYYS
 NEPRIKLAUSOMYBĒ
 NEATKARĪBA
 İSESEİSVUS

322

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

	Стр.
1. Марксизм и государство. <i>ГРИГОРИЯ АЙОЛЛО</i>	1
2. Об одном социологическом исследовании национального во- проса. Статья вторая. <i>АЛЕКС. ГРИНИНА</i>	17
3. Наказание или преступление. (К убийству С. В. Петлюры). <i>Н. ГАЛАГАНА</i>	35
4. К кризису в Всесоюзной Коммунистической партии. <i>ЭН-ЭНА</i>	53
5. Грузия. Годовщина восстания. <i>ОЗУРГЕТЕЛИ</i>	60
6. Белоруссия. К объединению социалистических сил. <i>Т. Г.</i>	62
7. Американский капитал и большевики. <i>ИЛ. К.</i>	65

НЕЗАВИСИМОСТЬ

Непериодический журнал социал-демократической мысли
РЕДАКТОРЫ-ИЗДАТЕЛИ: Г. Г. АЙОЛЛО и Н. М. ГАЛАГАН.

ГОД ИЗДАНИЯ I-ЫЙ

Октябрь 1926.

№2.

Григорий Айолло.

Rw 594/I (1926)

с. 2

Марксизм и государство.

В 1842 году Маркс определяет государство как «организм», в котором получает свое осуществление правовая, нравственная и политическая свобода, причем каждый отдельный гражданин повинуетя государственным законам, поскольку в них проявляются естественные законы его собственного, человеческого разума*). Такова идея, конечная цель государства. Но приближаются ли государства к своему идеалу, какова их дальнейшая судьба в случае его достижения, где искать их начало, их происхождение, что такое нравственная, правовая и политическая свобода, какие силы двигают ею и чем диктуются естественные законы человеческого разума?

Маркс находился под сильным влиянием Гегеля и это сказывается на приведенном выше определении государства, но его осаждали сомнения в правильности высказанных великим немецким философом по этому поводу мыслей. Он приступил к критическому пересмотру гегелевской философии права и, в результате, разработал теорию материалистического понимания истории. Маркс нашел, что право, мораль, политика, религия, философия, все, имеющее идеологические формы, в том числе и формы государства, возникают не самопроизвольно и могут быть поняты не из общего развития человеческого духа (как учил Гегель), а коренятся в материальных условиях существования людей. Совокупность этих условий Гегель, по примеру французов и англичан XVIII века, называл «гражданским обществом». Сам Маркс стал на точку зрения человеческого общества или человечества, живущего общественной жизнью**).

Государство таким образом есть продукт общества.

Что же такое «общество»? Маркс, на этот вопрос отвечает: — продукт отношений между людьми, результат взаимодействия людей. Эти отношения в первую очередь вызываются насущной потребностью — пить, есть, одеваться, укрываться от холода, добывать средства существования. Чтобы добывать, чтобы производить эти средства — человек действует не в одиночку, а совместно с другими, общественно. Люди вступают при этом, независимо от своей

*) См. статью «Soll die Philosophie die religiösen Angelegenheiten auch in Zeitungsartikeln besprechen?» Aus dem literarischen Nachlass, I B, S. 265.

***) См. десятый тезис Маркса о Фейербахе.

565750

воли, друг с другом в производственные отношения, соответствующие определенной ступени развития находящихся в их распоряжении материальных производительных сил. Почему? Потому что всякое *последующее* поколение находит *готовые* производительные силы, приобретенные *предшествующим* поколением и наследникам приходится применять свои способности в ограниченных, условиях*). Сумма производственных отношений составляет *экономическую структуру* общества, *реальный базис*, на котором возвышаются юридическая и политическая *надстройки* и которому соответствуют определенные формы общественного сознания**). При известном состоянии производительных сил — получается известный способ производства, обмена и потребления; при известной стадии производства — получается соответствующая ей форма общественного устройства, организации семьи, сословий, классов — словом, определенное «гражданское» общество. Когда производственные отношения перестают отвечать приобретенным и развившимся производительным силам, то они меняются. Вместе с ними меняется все, что на них возвышается. Каково общество — такова и его идеология, его политический строй, его государство. Кто попытается выскочить за пределы данных общественных условий, с успехом разделит судьбу Дон-Кихота, жестоко поплатившегося за свою ошибку, якобы странствующее рыцарство совместимо со всеми экономическими формами общества***).

Обходилось ли когда нибудь общество без государства? Какие причины заставили его появиться? Научные исследования и наблюдения над жизнью так называемых первобытных народов показали, что государство появляется когда общество *раскалывается* на группы с противоположными экономическими интересами, на классы, каждый из которых преследует свои собственные цели. Эти цели непримиримы. Одни классы присваивают себе земли и воды, разбивают на участки и огораживают заборами площадь эксплуатации, монопольно «владеют» средствами производства, обмена и путей сообщения, распоряжаются распределением добытых предметов потребления. Другие попадают в зависимость от «владельцев» сил природы и общественного труда и отчисляют часть произведенных ими продуктов лицам неработающим. Общие интересы уступают место частным. Нарождаются бедные и богатые, угнетающие и угнетаемые. Исчезает превоначальная идиллия, когда все были за одного и один за всех, когда не знали «моя» и «твоя» «собственность». Общество страдает от столкновений между отдельными группировками своих членов и не может ни урегулировать классовые конфликты, ни избавиться от них. Воцаряется беспорядок: бедные желают освободиться от нищеты, богатые «защищают» «благоприобретенное». Классовые противоречия обостряются. Врагов обнаруживают внутри общества. Его мир часто прерывается открытыми столкновениями.

*) См. письмо К. Маркса к П. В. Анненкову от 28 декабря 1846 г.

***) См. предисловие К. Маркса к «Критике политической экономии».

***) См. К. Маркс, Капитал, т. I, Москва, 1909, стр. 49.

Возникает необходимость установить порядок, прекратить раздоры, принудить повиноваться предписаниям, которые позволят сохранить общество, спасут его от гибели при продолжении взаимной ожесточенной борьбы. Все это может сделать какая-то общепризнанная власть. И внутри общества создается такая особая власть.

Эта власть и есть государство.

В начале она, вероятно, носит временный характер; затем превращается в постоянно-действующий громоздкий аппарат с множеством отдельных взаимно-соединенных механизмов: войско, полиция, пресс для выжимания податей, законодательные и исполнительные органы, суд, и т. д. Обладая этими механизмами государство становится «выше» общества, имеет вид незаинтересованности в раздирающих последнее противоречиях, и, мало по малу обособляется от него. Эта власть творит суд и расправу в обществе не беспристрастно: решение идет к выгоде и к усилению состоятельных элементов. Государство в конце-концов стоит на страже их интересов. И если на историческую арену выходил новый класс, раньше скромно ютившийся на задворках общественной жизни, и приобретал экономическое влияние, то он стремился овладеть государством. Отчетливую формулу этого стремления оставил нам знаменитый деятель великой французской революции аббат Сизис. Он был идеологом «третьего сословия», т. е. буржуазии, и спрашивал: «что представляет собою третье сословие экономически? — Все! Политически? Ничто! Чем оно желает быть? Всем!» Овладение государством помогает при помощи политических средств подчинить себе остальные классы и упрочить свое экономическое господство.

Следовательно, государство есть *классовое господство*.

Но возражают: «государство не есть только классовое господство, это прежде всего публично-правовое регулирование частной и общественной жизни*»). Такие возражения, как уже давно заметил Ф. Энгельс, приводят «юристы-цивилисты», «теоретики государственного права», «политики по профессии**»). Для них тесная связь между экономикой и государством совершенно пропадает. Фразу о «публично-правовом регулировании частной и общественной жизни» можно и нужно понимать как юридическое оформление отношений между людьми. Но эти отношения, как уже было выше указано, прежде всего экономические. Чтобы получить санкцию закона и считаться нормальными они должны в каждом отдельном случае принять вид юридических отношений. Например, капиталист нанимает рабочего. Экономически они завязывают производственные отношения. Юридически капиталист выступает, как *покупатель* товара, — рабочей силы, — рабочий, как *продавец* этого товара. Данный экономический факт юридически мотивирован и лишь слепой не заметит полнейшей зависимости права от экономики. Но каждое поколение юристов получает в наследство систему права, также при-

*) См. П. Новгородцев: Об общественном идеале, издание 5, книгоиздательство «Слово», стр. 202.

***) См. Ф. Энгельс: Л. Фейербах.

обретенного, дополненного и усовершенствованного предыдущим поколением. И под тяжестью сложной системы *существующего* права, т. е. давно оформленных и весьма тонко и всесторонне юридически разработанных экономических отношений экономическое содержание юридических форм отрицается.

«Теоретики» государственного права твердят о «чистой идее права». В ней видят они почву для «применения некоторых общих и объединяющих всех правовых начал, имеющих сверхклассовый и, следовательно, общечеловеческий и общегражданский характер. Они заявляют: «с давних пор теория правового государства вдохновляется идеей естественного права, как представлением об общечеловеческой справедливости, осуществляемой в положительном праве»^{*)}. Но почему эту «сверхклассовую» правовую идею, как синюю птицу, человечество никак не может поймать? Потому что в классовом обществе не может быть никакой сверхклассовой справедливости. В нем непрерывно возникают правовые антиномии, которые невозможно подогнать под общечеловеческую справедливость. Вот одна из этих антиномий, блестяще обрисованная Марксом: капиталист осуществляет свое *право покупателя*, когда стремится по возможности удлинить рабочий день и даже сделать два рабочих дня из одного. Специфическая же природа продаваемого рабочим товара — его рабочей силы, — обуславливает предел потребления его покупателем и рабочий осуществляет свое *право продавца*, когда добивается ограничения рабочего дня определенной нормальной величиной. Право противопоставляется праву. Оба они в равной мере санкционируются законом товарного обмена. При столкновении двух прав где скрыто решение? Решение принадлежит силе. Борьба за пределы рабочего дня идет между собирательным капиталистом, т. е. классом капиталистов и собирательным рабочим, т. е. классом рабочих^{**}). На чьей стороне «общечеловеческая справедливость»? Даже из теории классического буржуазного экономиста Рикардо практический вывод тот, что рабочим, как единственно действительным производителям принадлежит весь общественный продукт, ибо он их продукт. И «несправедливо», значит, какую-либо часть продукта рабочим не отдавать. Такой вывод является однако, простым применением морали к экономии, а экономии нет никакого дела до нравственных чувств. Экономика слушается своих, а не моральных законов. Рабочие и борются с капиталистами за *силу*, которой можно разрешить столкновение двух прав. Такой силой обладает государство, ибо всякое мероприятие — политическое или юридическое, например, закон о нормальном рабочем дне, — проводится государством силой, принуждением. Так всякая классовая, т. е. экономическая, борьба неизбежно становится и политической борьбой.

Но тут возникает такой вопрос. Если государство — орудие классового господства не требует ли логика, чтобы неимущие и угнетенные, против которых главным образом направлено острие этого

^{*)} См. П. Новгородцев, там же, стр. 203.

^{**}) См. К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 137.

орудия, отнеслись резко-отрицательно к государству и постарались его уничтожить? Не следует ли им противиться всякой попытке участвовать в политической деятельности, так как само участие в политике значит прямо или косвенно признавать государство? Такие настроения и взгляды были у социалистов-утопистов и полное свое обоснование получили у анархистов.

Великие утописты-социалисты — Сен-Симон, Фурье и Оуэн жаждали основать царство разума и вечной справедливости. Как известно, до них эти идеалы были возведены французской революцией, но пребывавшие во главе ее последователи Руссо, надеявшиеся сбросить с человека охватывающие его цепи, еще крепче его заковали. Утописты приписывали непроведение высоких идеалов *политике* и потому враждебно относились как к ней, так и к французской революции. Спасение человеческого рода они искали в безукоризненных планах совершенного будущего строя. По их мысли, влиятельные представители господствующих классов осуществят надежды утопистов, активная же политическая роль рабочих классов только воспрепятствует коренным социальным реформам.

Анархисты — и в особенности наиболее популярный среди них — Михаил Бакунин — проповедывали, что все государства дурны ибо по «условиям цели своего существования» составляют диаметрально противоположность человеческой справедливости, свободе и нравственности. В этом отношении, — доказывал Бакунин, — нет большой разницы между дикой всероссийской империей и самым цивилизованным государством Европы. Различие в том, что царская империя делает цинически то, что другие совершают под покровом лицемерия и она составляет по своему открытому, деспотическому и презрительному отношению к человечеству тайный идеал, к которому стремятся, и которым восторгаются все государственные люди Европы. Добродетельным государством может быть только государство бессильное, да и оно преступно в своих мыслях и желаниях. Государство надо разрушить. Как? Чем? Кем? *Бунтом и разбоем*. Вкупе эти два явления дают революцию*).

Он верил еще в «грамотный мир беспардонных юношей, не находящихся себе ни места, ни занятия в России». Напрасно думают, что исключительно в России Бакунин надеялся на «голь-перекатную». И

*) По его теории, со времени основания Московского государства никогда не прерывался русский разбой. В нем хранится предание народных обид; в нем одно доказательство жизненности, страсти и силы народа. Прекращение разбоя значило бы или окончательную смерть народа или полнейшее его освобождение. Разбойник в России настоящий и единственный революционер без фраз, без книжной риторики, революционер непримиримый, неутомимый и неукротимый на деле, революционер народно-общественный. В тяжелые промежутки, когда кажется, что весь крестьянский, рабочий мир спит сном непробудным, задавленный всей тяжестью государства, — лесной разбойничий мир продолжает свою отчаянную борьбу и борется до тех пор, пока русские села опять не проснутся. Когда же оба бунта — разбойничий и крестьянский сливаются — порождается народная революция.

в Италии он нашел, что там, как нигде близка социальная революция, ибо там преобладает люмпенпролетариат *).

Марксизм чужд и благодушию утопистов и свирепости анархистов. Его отношение к государству определяется строго-научными данными, полученными при изучении обстоятельств, порождающих государство и тенденций, намечающихся в его развитии. Государство возникает в обществе, разделившемся на классы. Стало быть, с исчезновением классов исчезнет и потребность в государстве; но классы исчезнут, при отсутствии условий, расслаивающих общество — при отсутствии определенных производственных, экономических отношений; но такие экономические отношения исчезнут, когда соответственно организованы материальные, производительные силы. Все эти «но» надо было найти. Маркс их и нашел, «анатомировав» современное общество и обнаружив, что мелкое производство частных собственников, самостоятельно хозяйствующих рабочих, крестьян и ремесленников, вытесняется капиталистической частной собственностью. Последняя покоится уже на эксплуатации чужого, хотя формально и свободного труда. Этот труд дают ставшие пролетариями бывшие непосредственные производители. Капиталисты ведут между собою ожесточенную конкуренцию: один капиталист убивает многих и имманентными законами самого капиталистического способа производства капиталы централизуются. Попутно развивается кооперативная форма процесса труда, сознательное техническое применение науки, вовлечение всех народов в сеть мирового рынка и т. п. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вместе с нею и благодаря ей достиг расцвета. Централизация средств производства и обобществления труда достигают уровня, при котором они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. «Последняя лопается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют**).

Так подготовляются условия для исчезновения классов и государства.

Но кто «экспроприирует экспроприаторов»? Маркс указывает кто это сделает: при превращении капиталистической собственности фактически уже основанной на общественном производстве, в общественную — *народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов.*

*) «В Италии не существует, как во многих других странах Европы особого рабочего слоя, уже отчасти привилегированного, благодаря значительному заработку, хвастающегося даже в некоторой степени литературным образованием и до того проникнутого буржуазными началами, стремлениями и тщеславием, что принадлежащий к нему рабочий люд отличается от буржуазного люда только положением, отнюдь же не направлением... В Италии преобладает тот нищенствующий пролетариат, о которых г. г. Маркс и Энгельс, а за ними и вся школа социальных демократов в Германии, отзываются с глубочайшим презрением и совершенно напрасно, потому что в нем и только в нем отнюдь же не в вышеозначенном буржуазном слое рабочей массы, заключается и весь ум и вся сила будущей социальной революции». См. М. Бакунин: Государственность и Анархия, ч. I, 8.

***) К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 723, 724.

В истории всегда было так, что люди изменяли все свои традиционные общественные формы, сознательно или бессознательно, под угрозой все потерять, едва способ их социальных отношений переставал соответствовать приобретенным производительным силам. Люди — продукт истории, но эту историю они сами делают. Люди — продукт обстоятельств, но они же эти обстоятельства изменяют. Изменяют те, кто самими условиями своей жизни кровно в том заинтересованы. Их действия в этом направлении есть колоссальный революционный акт. И в каждый исторический период революционные стремления, прогрессивные задачи эпохи воплощают в себе определенные классы.

«Народная масса», которая экспроприрует «немногих узурпаторов» состоит по Марксу из пролетариата и составляет фактически большинство членов данного общества. Пролетариат непрерывно увеличивается, объединяется и организуется самим капитализмом. Без него общество не может существовать. Он не паразит, подобно бакунинскому «нищенствующему пролетариату». Его классовые интересы диктуют ему необходимость перестать позволять немногим магнатам капитала удерживать часть производимого им продукта. От гнета капитала он избавится только с полным исчезновением капитализма; но уничтожая капитализм он должен обеспечить всему обществу дальнейшее развитие и более высокую степень производства и распределения. Такой ступенью явится социализм. И социалистический строй будет введен и утвержден пролетариатом, как капиталистический строй был введен и утвержден буржуазией.

Экономическое развитие выдвигало буржуазию, как класс, который становился «всеми». Одновременно росло и ее политическое значение. Государство, находившееся в руках феодалов все больше считалось с буржуазными требованиями и помогало капиталистам на экономическом поприще. Политическая революция передала государство буржуазии. При посредстве государства она окончательно утвердила капиталистический строй. Между завоеванием буржуазией государственной власти и окончательным укреплением капиталистического строя лежал период ликвидации остатков крепостничества и феодализма. В сущности этот период закончился в Европе с падением габсбургской, гогенцоллернской и романовской монархий.

И пролетариат при помощи государства установит социалистический строй. Для этого ему нужно завоевать государство, стать во главе государственного управления, официально представлять общество. Но без предварительной политической организованности, без участия во всех проявлениях политической жизни, без знакомства с устройством государственного аппарата, без солидной подготовки к руководству государством, — пролетариат может натворить массу бед и выплеснуть вместе с грязной водой и ребенка. Пролетариат берет на себя тяжелую ответственность за существование общества. Ему нужно заслужить доверие чтобы представлять общество. Ему нужно показать свое умение справляться с государственными задачами. Классовая борьба и должна воспитать его для управления государством. Если же она намеренно превращается в истребление,

в перманентную гражданскую войну, то такая классовая борьба легко может закончиться общественной катастрофой: *общей гибелью* борющихся классов. В особенности это может случиться в обществе, не созревшем для предпринимаемых революционных переворотов или там, где пролетариат совсем не подготовлен к тяжелым и сложным обязанностям государственного управления.

Может ли быть пролетариату безразлична форма государства, которым он выполнит свои цели? Конечно нет! Так как «народные массы» экспроприируют немногих узурпаторов, то их и обязаны самым широким образом привлечь к государственной деятельности. Наиболее подходящей формой для этого является *демократия*. И уже в «Коммунистическом Манифесте» одной из важнейших задач борющегося пролетариата было провозглашено завоевание всеобщего избирательного права, демократии. Демократическая республика признается рабочим классом как единственная (и последняя) форма государства, где окончательно будет разыграна классовая борьба между ним и буржуазией. Демократия открывает возможность пролетариату достигнуть своих целей *мирным* путем. Но это возможно по Марксу там, где учреждения, нравы и обычаи *демократические*, где народ сам ставит своих должностных лиц как своих слуг и работников. Там, где этого нет, Маркс объявляет*) предпосылкой каждой действительной народной революции не передачу бюрократически-военной машины из одних рук в другие, а необходимость «сломать ее». Что означает это требование? Оно означает, что в государствах с бюрократически-военными машинами перед пролетариатом стоит задача *замены* этих государственных машин другими — демократическими. Ведь какая то государственная машина и при господстве пролетариата продолжает функционировать? И функционировать неизвестно сколько времени в переходной период от капитализма к социализму? Этой машиной может быть только демократия. Пролетариат, придя к власти в странах с военно-бюрократическими машинами, должен будет не *государство* разрушить, а *исправить* государственную машину в таких демократических рамках, чтобы сделать «государство из стоящего над обществом в совершенно *подчиненный* ему орган». Большевики поняли указание Маркса «сломать» *буквально*. И «сломали». Но ввели они взамен демократию? Подчинили государство обществу? Нет, они смастерили еще более патентованную, независимую от общества, и отвратительную военно-бюрократическую государственную машину. Хорошо, что Ленин только эту фразу Маркса понял буквально. А то у Маркса, в связи с опытом той же парижской Коммуны, была фраза: что парижские рабочие «штурмовали» небо, и мы могли бы стать свидетелями, как советские пушки расстреливали бы по ленинскому приказу необъятные небесные пространства.

Таким образом, пролетариат может управлять только в демократической республике, в высшей и, как кажется марксизму, в по-

*) В письме к члену Интернационала Кугельману от 12 апреля 1871 г.

следней государственной форме. Но остается ли и демократическая республика государством классового господства? Не изменяется ли радикально сущность высших форм государства и не стремятся ли они обнять всех граждан нормами идеального естественного права, причем «постепенное приближение к этому идеалу возможно именно потому, что есть такие нормы всепокоряющей справедливости, которые объединяют всех, которые уже теперь возвышаются над разнообразием положений и лиц и, пусть даже весьма несовершенно и частично, но все же руководят и прогрессом государственного строительства, и развитием права, и отправлением государства»^{*)}. Не представляет ли собою государство при демократической системе правления, — как то доказывал Луи Блан в полемике с Прудоном, — власть всего, представленного своими депутатами, народа; господство свободы; само общество, которое выступает в качестве государства, чтобы препятствовать угнетению и ограждать свободу? Не есть ли государство, — как возражал Энгельсу недавний премьер-министр рабочего правительства в Англии Джемс Рамсей Макдональд, — «организованная политическая личность независимого народа, организация общественного коллектива, направленная к осуществлению общей его воли при помощи политических средств; государство не только то, что сделали из него индивиды — его «сделало также и прошлое»; на государство «следует смотреть как на нечто органическое»^{**)}).

То, что «делали из государство индивиды» — это и есть его прошлое. Государство, как *аппарат принуждения* остается при всех своих формах — в том числе и при демократической республике — орудием классового господства. Почему всегда есть недовольные мероприятиями государства? Потому что эти мероприятия не соответствуют их классовым интересам и они борются с ними и будут бороться, пока существуют такие интересы. Что государство до по-

^{*)} См. П. Новгородцев, там же, стр. 203 и 204.

^{**)} Цитируем Луи Блана и Д. Р. Макдональда по книге Э. Бернштейна: «Спорные вопросы социализма», издательство С. Ефрон, Берлин, стр. 175 и 176. Э. Бернштейн думает, что макдональдовское определение государства окажется перед судом беспристрастного исторического исследования «наиболее устойчивым». В особом подстрочном примечании Э. Бернштейн ссылается на свою старую статью: «Социально-политическое значение пространства и числа», которая говорит в таком же, как Макдональд, смысле следующее: «Как в животном мире вместе с дифференциацией функций неизбежным становится образование костного остова, так и в общественной жизни — вместе с дифференциацией хозяйств — возникновение административного аппарата, представляющего общественный интерес, как таковой. Таким аппаратом было до сих пор и остается поныне государство. Так как дальнейшее развитие производства, как то совершенно очевидно, может состоять не в упразднении дифференцированного производства, а только в новом сплочении на основе развитой дифференциации — применяя это к людям: не в упразднении, а в дополнении профессионального разделения труда (либо разделения труда в пределах профессии Эд. Б.), то в поддающемся предвидению будущем административный аппарат общества может отличаться от нынешнего государства только степенью своей». Курсив — Бернштейна. По содержанию этого примечания мы высказываемся в тексте.

следнего времени находилось в руках состоятельных граждан лучше всего доказывается *цензом*, т. е. когда правом участия в государственной жизни пользовались лишь люди с достатком. Но господствующие — цензовые — группы каждая в отдельности слаба, чтобы единолично господствовать; конкурентов на власть очень много; они враждуют между собою и зовут себе на помощь все большие и большие массы народа, вплоть до цензово-несостоятельных. Последних вынуждены наделять правами и политически воспитывать. Провозглашается равенство прав и обязанностей. Демократическая республика уже не признает имущественных различий. На первых порах от этого буржуазия выигрывает. При всеобщем избирательном праве пока пролетариат политически не созрел, он, частью или в большинстве, голосует раз в три года или в шесть лет не за своих, а за представителей господствующих классов, которые по знаменитому выражению Маркса посылаются в парламент, чтобы «представлять и подавлять народ». (das Volk in Parlament ver-und zertreten). И поверхностному взгляду представляется, что народ независим, что возник общественный коллектив с «общей волей», которой подчинены политические средства. Однако, еще никто не опроверг указание Энгельса, что если раньше богатство проявляло свою власть в государстве *прямо*, то в демократической республике оно проявляет свою власть *косвенно*: в виде прямой подкупности чиновничества, в виде союза правительства и биржи, заключаемого тем легче, чем более растут государственные долги и т. д. и т. д. *)

Разумеется дистанция между какой нибудь деспотией и демократической республикой огромна: последняя уничтожает политические привилегии, поднимает самодеятельность населения, создает условия для быстрого развития сознания всех слоев народа, для разрешения конфликтов не кулаком, а соглашением, воспитывает взаимное уважение народов, но упирается в один тупик: она не устраняет в *экономической* области *неравенства* и борьбы классов. Демократия *политическая* должна быть дополнена демократией *экономической*. Но «экономическая демократия» есть ничто иное, как уничтожение частной собственности на средства производства и передача их во владение всего общества. Тогда производители будут производить для общества, а общество для всех своих членов, будет признана общественная природа производительных сил; способы присвоения обмена и производства будут приведены в согласие с общественным характером средств производства. Тогда само общество выступит не для того, чтобы «препятствовать» угнетению, а чтобы с корнем вырвать его, не для того, чтобы «ограждать свободу», а чтобы *начать* настоящую историю человечества, без звериной ненависти, без волчьего отношения друг к другу. Характерно, что взывающие к «сверхклассовой справедливости» не осмеливаются затрагивать частной собственности; в ней, наоборот, видят панацею от общественных зол, стимул к деятельности, счастье и покой, и, однако никто

*) См. Ф. Энгельс: Происхождение семьи, частной собственности и государства.

из ее палладинов не постарался найти способ всех наделить такой собственностью. Не в силах этого сделать они декретируют неравенство, угнетение и произвол. С исчезновением же в социалистическом обществе классов, исчезает и классовое угнетение и исчезает всякая необходимость в государстве, как в аппарате угнетения.

Но тут мы наталкиваемся на Э. Бернштейна. Он говорит, что вместе с дифференциацией хозяйств возникает «административный аппарат», представляющий общественный интерес как таковой, которым было и поныне остается государство. При этом проводится биологическая аналогия. Такие аналогии вообще опасны, ибо легко впасть в аврелиевское сравнение общества с членами человеческого организма и вывести абсолютную неизбежность неравенства и политического, и экономического. Под «административным аппаратом» надо подразумевать «общественно-контрольный аппарат производства и обмена». Действительно, государство брало на себя контроль над силами природы в интересах хозяйства и пыталось направлять хозяйство по известному плану. Необходимость в таком контроле и руководстве играло решающую роль в истории промышленности. Когда эту необходимость понимали государственные деятели они ее преодолевали и создавали себе одну из материальных основ для государственной власти. Например, такую основу власти над несвязанными между собою мелкими производственными организмами Индии было регулирование водоснабжения. Маркс отмечает, что магометанские властители Индии поняли это лучше, чем их английские преемники*). Государство кроме того оказывалось вынужденным это делать, ибо оно само было и есть крупнейший собственник средств производства: ему принадлежат огромные участки земли, леса, недра земли, воздух, здания, оно участвует в акционерных предприятиях, или самостоятельно ведет фабрики, заводы, мастерские, доки, предприятия транспортные, по разработке и добычанию сырья, по снабжению топливом, по выпуску денег, по поддержанию кредита. Государство затем крупнейший покупатель средств питания, обмундирования, вооружения армии и флота, оборудования своих предприятий. Поэтому оно старалось планомерно вести свое хозяйство и других побуждать к тому же самому либо примером, либо принуждением. Но общественным хозяйством оно занималось постольку, поскольку регулирование и руководство им или создавало основу для государственной власти, или вызывалось потребностями и государственного хозяйства. Поэтому наряду с государственным возникали, так сказать, и частные «административные аппараты», например, финансового капитала, который, по компетентному свидетельству Р. Гильфердинга**), своим развитием находит «совершенное решение» вопроса об организации общественного хозяйства. И именно потому, что не было одного «административного аппарата», а было их много, которые действовали самостоятельно параллельно и друг против друга анархия господствует в капиталистическом об-

*) См. К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 475.

**) См. Р. Гильфердинг: «Финансовый капитал», гл. 15.

ществе. В социалистическом обществе такой анархии и регулирования рынка стихией самого рынка не может быть. Пролетариату еще предстоит осуществить то, что желательно Бернштейну; но, несомненно, история подготовила и материал и форму, в которую отольется бернштейновский «административный аппарат» для социалистического общества. Такой формой будет государство: пролетариат передаст государству в собственность средства производства экспропрированных немногих узурпаторов, пока общество фактически не признает себя их владельцем. И государство после такого признания уже не будет нужно.

Тут надо объясниться.

Сама по себе государственная собственность ни в коем случае не исключает капиталистической эксплуатации. Наоборот, чем в большем количестве забирает государство производительные силы, тем более оно эксплуатирует граждан: рабочие остаются наемными рабочими, капиталистические отношения ни в коем случае не уничтожаются, а скорее обостряются*). В отсталых странах передача в громадных размерах производительных сил в руки государства даже *чрезвычайно опасна*. Там государственная собственность основа для деспотического усиления государственной власти, ибо общество слишком слабо, чтобы справиться с государственным левиафаном. Пример советского государства тому яркое доказательство.

Уже на Стокгольмском съезде Р. С. Д. Р. П. (в 1906 году) покойный Г. В. Плеханов жарко спорил с Н. Лениным по поводу предлагавшейся последней аграрной программы — национализации земли. Плеханов обращал внимание на то, что в России земля, вместе с земледельцами, была закреплена государством, и на основании этого закрепощения развился русский деспотизм. Чтобы разбить деспотизм надо устранить его экономическую основу; национализация же земли в революционный период не устраняет этой основы. Ленин возражал, что при демократической республике, «мы обезвредим национализацию». Плеханов продолжал настаивать на своем, добавляя: чтобы обезвредить национализацию нужно сперва найти гарантию против реставрации, а такой гарантии нет и быть не может. И даже, если политическая свобода установится в России так же прочно, как в Швейцарии, Англии, Соединенных Штатах, то не будет надобности добиваться национализации земли раньше национализации всех остальных средств производства. Тогда Ленин нашел в Стокгольме гарантию от реставрации в социалистическом перевороте на Западе (не в России)**). Конечно, Плеханову и в голову не могло придти, что национализация послужит фундаментом для ленинского деспотизма. Но его предупреждения остаются до наших дней непоколебленными.

*) См. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг.

***) См. протоколы объединительно, стокгольмского съезда Р. С. Д. Р. П.

С другой стороны, передача в собственность государства и промышленности, и торговли, сделало советскую республику абсолютным капиталистом. Об этом осторожно, но все таки заявил на последнем XIV съезде коммунистов Сокольников. Он подошел к советской «социалистической промышленности» не статически, а динамически, рассмотрел ее не в процессе одного производства, но и воспроизводства, и указал, что в воспроизводстве принимает участие не только государство, но и частный капитал, ибо через него идет реализация продуктов; что внешняя торговля ведется большевиками как государственно-капиталистическое предприятие; что денежная система проникнута принципами капиталистической экономики. Он спрашивал съезд: разве не ясно всякому, что урон, которые потерпели большевики на хозяйственном фронте идут «по линии переоценки социалистической зрелости, переоценки возможности для нас, для государственного хозяйства, руководить всем народным хозяйством уже теперь»? Отчего произошла ошибочность планов хлебозаготовительных, экспортно-импортных, кредитных, сокращение плана развертывания промышленности в очень значительных размерах, сокращение плана капитальных затрат промышленности? Потому что «мы переоценили наличные возможности твердого планового руководства», потому что «мы хотели продиктовать такие планы хозяйства, которые, благодаря огромным силам элементов товарно-анархических, элементов мелкокапиталистического характера в нашем хозяйстве оказались невыполнимыми»^{*)}. Урок поучительный: мало того, чтобы передавать в государственную собственность средства производства, надо это делать тогда, когда общество не сопротивляется единому плановому хозяйству, а всецело его поддерживает. В противном случае государство бесцельно борется с обществом. Советское государство заставляя мелкобуржуазную стихию принимать «социалистическую» пищу уподобляется тому замоскворецкому купцу, который, связав своего гостя, насильно вливал в него ликер, пока раб божий благополучно не скончался.

И, наконец, выдвигают еще одно возражение. Предположим пролетариату удастся полностью осуществить социалистический строй, — говорят «теоретики права», — так ли легко будет освободиться от традиций государственного состояния? Политическая власть не есть «какой то волшебный жезл, который можно вырвать из рук злодея, чтобы употребить его для своих благих целей и затем спрятать в потайный ларец или, употребляя собственное выражение Энгельса, — в «музей древностей» (П. Новгородцев). Ведь даже сам Маркс однажды заявил, что только наука может ответить на вопрос «какое превращение испытывает государство в коммунистическом обществе». И «наука... отвечает... без колебания»: идеал социализма «вовсе не свободное анархическое общество, а союз, хотя и имеющий совершенно отличную от современных государств физио-

^{*)} См. стенографический отчет XIV съезда В. К. П. (б.). Государственное издательство, 1926 г., стр. 322—336.

номию, но тем не менее обладающий всеми существенными признаками государства и в частности принудительной властью. Сила власти социалистического государства в некоторых отношениях должна быть даже гораздо сильнее власти современного государства, принудительное действие ее отдельных лиц будет гораздо энергичнее. Нельзя, например, представить себе это государство без всеобщей обязательной повинности труда, за выполнением которой должны будут следить государственные органы. Государство возьмет в свои руки производство и распределение продуктов, оно должно будет бороться против нарушений установленного им порядка. Все это возможно при наличии сильной организованной власти» (Ф. Кокошкин). «Не подлежит сомнению, что для осуществления своих новых задач государство будущего воспользуется теми же юридическими средствами, как и правовое государство. Большинство его учреждений будет создано по аналогии с учреждениями правового государства. Организованность и устранение анархии в общественном хозяйстве будут достигнуты в государстве будущего путем тех же правовых приемов, путем которых достигается организованность и устранение анархии в правовой и политической жизни в государстве правовом. Две основы правового государства — субъективные публичные права и участие народа в законодательстве и управлении страной — будут вполне последовательно развиты и расширены». (Б. А. Кистяковский)*).

Есть и социалисты, которые полагают, что потребности социализма приведут не к исчезновению государства, а к новой его форме. Так, Генрих Кунов доказывает, что современное государство уже не похоже на государства XVIII и начала XIX столетия, бывшими просто военно-бюрократическими организациями для защиты династических и сословных интересов. Оно охватывает все большее число хозяйственных отправлений и становится одним из положительнейших носителей всего социального жизненного процесса. Вместо владык, гордо объявлявших: «государство — это я!», — все увеличивающиеся круги граждан прокламируют: «государство — это мы!» Развитие государства приняло не то направление, какое ожидали Маркс и Энгельс под влиянием либерально-анархических веяний своего времени. Государство не станет излишне; оно не потеряет, — как думал Энгельс, — много существенных своих функций в пользу общества; напротив, оно перенимает все развивающиеся социальные задачи и благодаря этому развивает свой механизм управления (*Verwaltungsmaschinerie*). На основе нового общественного порядка выступит социалистическое государство хозяйства и управления (*der sozialistische Wirtschafts- und Verwaltungsstaat**)).

* Не имея под руками сочинений Ф. Ф. Кокошкина (Лекции по государственному праву) и Б. А. Кистяковского (статья: Государство и личность) цитируем по П. Новгородцеву — Об общественном идеале, стр. 221 и 222.

** См. *Die Marxsche Geschichts-, Gesellschafts- und Staatslehre, Grundzüge der Marxschen Soziologie von Heinrich Cunow, I Band, 1920, Berlin, S. 314—319.*

Без аппарата для управления хозяйством и регулирования взаимоотношений людей не обойдется социалистическое общество. Кунов называет его государством. Откидывая неправильное указание на «ожидания» Маркса и Энгельса, спор продолжается относительно слов. Слова часто совершенно теряют свой первоначальный приобретая противоположный или другой смысл. Русское слово «прелесть» некогда обозначало «обман». Представьте себе двух человек, которые оба говорят слово «прелесть», но один употребляет его в старом, а другой в новом смысле. Они напрасно будут спорить до хрипоты. Маркс понимал под государством орудие классового господства. Оно должно исчезнуть. Кунов соглашается, что такое государство исчезнет, но народится новое, социалистическое, хозяйственное, управленческое. Маркс говорит, что это уже не государство, а общественный аппарат. Кунов соглашается, но называет этот аппарат государством.

Профессор Новгородцев сомневается так ли легко будет освободиться от традиций государственного состояния? Мы соглашаемся, что юристам, «политикам по профессии» освободиться будет не легко. Но марксисты непочтительно думают, что традиции — это мертвецы, которые душат живых и, если людям нет надобности в определенных традициях, они сумеют от них, как от кошмара, освободиться.

Конечно, профессор Новгородцев был прав, что политическую власть нельзя спрятать ни в потайной ларец, ни в «музей древностей». Политическая власть есть известное общественное отношение, а отношение не поймашь и не законсервируешь. Зато можно будет показывать кой-какие инструменты государства, как теперь показывают «испанские сапоги» инквизиции. С исчезновением таких отношений, которые порождают политическую власть, последнее тоже исчезнет.

Верно, Маркс заявил, что только наука выяснит какое превращение испытает государство в коммунистическом обществе. Но нынешние «теоретики права» напрасно спешат от имени науки отвечать на этот вопрос, да еще «без колебаний». Ни Маркс, ни марксисты их «науки», полной метафизики и эквилибристики слов, не признавали и не признают. Маркс имел в виду действительную науку права в переходной период от капитализма к социализму, которая пересмотрит, и отбросит всех старых кумиров, чтобы отобрать все годное для общества не знающего частной собственности на средства производства.

Профессор Кокошкин оказал важную поддержку социализму, подчеркнув, что идеал социализма не «анархическое общество». До него многие буржуазные «теоретики права» бесцеремонно сваливали в одну яму социализм с анархизмом. Он думает, что социалистический «союз» обладает всеми существенными признаками государства и, в частности, принудительной властью, даже сильнейшей, чем в современных государствах. «Принудительная власть» останется? Для чего? Ф. Ф. Кокошкин приводит два примера: всеобщая обяза-

тельная повинность труда и производство и распределение продуктов.

Буржуазному идеологу трудно себе представить, что может наступить такой век, когда все будут трудиться. И не принудительно, а добровольно. Если сегодня труд часто проклятие, то виновата эксплуатация, выжимание пота человеческого, невыносимые условия труда*). Кого же надо будет принуждать, когда все смогут трудиться и труд станет наслаждением? Иные сошлутся на большевиков, проектировавших трудовые армии, введших обязательную трудовую повинность, заставлявших интеллигенцию исполнять грязные работы. Но социализм также мало ответственен за большевиков, как христианство за изуверов, да и большевики, по черной злобе, поганившие и людей и труд, сами отказались от всех своих затей.

Профессорские утверждения заставляют невольно приоткрывать завесу будущего. Нам кажется, что к людям, не желающим трудиться, отнесутся, вероятно, как к больным: их будут лечить, а не принуждать. Что касается до «обязательных постановлений» при производстве и при распределении, против нарушения которых нужно будет бороться, то правила для производства явятся результатом последнего слова науки о наиболее целесообразной затрате энергии при добывании и обработке продуктов. Какие же нарушения их возможны? Если подозревают, что люди откажутся работать в опасных или грязных отраслях производства, то, во-первых, для этих работ введут много льгот, во вторых, техника еще не исчерпала свои необъятные ресурсы создавать механических рабов, и, в третьих, у людей не пропадет, а вероятно разовьется тот удивительный импульс, который толкает забираться в кратеры вулканов, подниматься на высочайшие горы, делать химические опыты, лечить заразных, увлекаться всякого рода спортом. Труд и спорт так тесно переплетутся, что работы будут игрой, а игры — работой. Правила же для распределения откроют общественные магазины, где разнообразие вкусов и потребностей найдут свое удовлетворение, не хуже, во всяком случае, чем теперь. Преуспевшие трутни, вероятно, будут также редки, как живые мастодонты.

Б. А. Кистяковский предрекает, что организованность и устранение анархии в общественном производстве будут достигнуты путем тех же правовых приемов, что и в «правовом», т. е. в современ-

*) Кроме «проклятия труда» современное общество знает и невозможность трудиться, которое толкает людей на чудовищные поступки. В «Prager Presse», III. Auflage, от 13 августа, № 220 перепечатано из венгерских газет сообщение о поразительной сцене, разыгравшейся на рынке в Дебрецине. Жена рабочего Антона Браника стояла на рыночной площади и, плача предлагала прохожим купить трех ее детей-девочек, трех и четырнадцати лет и девятимесячного младенца. Нашлись и покупатели, которые заплатили за трехлетнего ребенка 300.000 крон, за четырнадцатилетнюю девочку 900.000 крон. Младенца никто не покупал. Несчастливая мать рассказывала — и правдивость ее рассказа подтвердилась потом в полиции, вмешавшейся в это дело — что муж ее давно ничего не зарабатывает и они поэтому решили из шести детей трех продать, чтобы не вся семья умерла от голода.

ном государстве. Помнится, в последнем анархия этими правовыми приемами не устраняется. Какой же резон то, что не годится и сегодня, оставлять на завтра?

В классовом обществе человек опутан клубками «прав». Без «права» он не смеет принимать участия в каком-либо деле, даже если чувствует побуждение отдать ему все свои силы. Какие «права» получают люди в социалистическом обществе? Производство будет общественным; следовательно, и производственные, т. е. экономические отношения будут общественными, будут представлять общий для всех интерес. Каких-либо классовых, т. е. экономических антагонизмов нельзя себе представить за отсутствием расслоений общества на группы с противоположными и непримиримыми интересами. Стало быть, «права» всех будут настолько одинаковы, настолько бесспорны, что напоминать о них, закреплять их гарантиями или хартиями, или торжественными декларациями станет также смешно, как провозглашать со всеми китайскими церемониями «право» человека дышать воздухом. Что *отнимут* у людей, чтобы они потом добивались права на *получение* его? Что сумеет присвоить себе человек, чтобы и при жизни и после смерти распоряжаться этим во вред, в угнетение своему ближнему? А законодательствовать, а управлять страной, разве это «право» не останется у народа? «Управителей» будут также подготавливать как докторов, инженеров, архитекторов. Законы общества, которые будут публиковаться явятся не результатом соотношения сил враждующих лагерей, а будут так же объективны, как физические законы, которыми руководствуются при постройке домов, проведении дорог, конструировании машин. Ибо общество будет творить свою дальнейшую историю в полном сознании, в атмосфере полнейшей свободы, при взаимной солидарности.

Уже теперь начинает пробивать себе дорогу в юриспруденции школа переносящая центр тяжести с «права» на «обязанность». Она ищет своего обоснования у Канта. Она еще насквозь буржуазна. Но в тот период, который мы переживаем эта школа весьма кстати учит об обязанностях личности по отношению к обществу. Социалисты возьмут у этой школы, как они брали всегда у своих буржуазных учителей, все прогрессивное и революционное. И возьмут для того, чтобы подготавливать таких строителей будущего, которые при социализме всю душу свою положат за благо, развитие и процветание коллектива.

Алекс. Гринин.

Об одном социологическом исследовании национального вопроса.

Статья вторая*).

Одно время исследователи национальности главную свою задачу видели в нахождении признаков национальности. Их отыски-

*) См. «Независимость» № 1.

вали в языке, территории, религии, обычаях, нравах, и т. п. Признаки хитроумно комбинировались, чтобы получить шаблон, под который можно было бы подогнать всякую национальность. Оказалось, что нет общеобязательных признаков: один и даже несколько признаков могут отсутствовать, и все таки национальность остается фактом. Подметили, что национальность не есть нечто постоянное, а нечто весьма изменчивое. Одна и та же национальность в различные периоды истории разное выглядит. И вот пришли к заключению, что национальность есть явление *социальное*, что она есть продукт живого общения и совместной деятельности данной группы людей. Поэтому изучение национальности пошло параллельно с общим изучением социального процесса.

Но сказать, что национальность есть продукт общения и деятельности людей, еще не значит установить основные причины возникновения, развития и смерти, подъема и упадка национальности. Казалось бы, их следовало искать там же, где находятся причины и любого другого социального явления: в тех силах, которые обуславливают существование общества и процесс его изменения. Может быть г. Милуков, изучая процесс развития национальности нам эти силы укажет? Обратимся к его исследованию.

Г. Милуков категорически признающий «социальность» национальности, утверждающий, что ни один признак национальности, сам по себе не оказывается неотъемлемым и необходимым, в том или ином неизбежном сочетании этих признаков видит «лицо» национальности.

«Каждый признак — язык, территория, религия и т. д. — необходим тогда и постольку, — говорит он, — когда он становится *средством общения* между людьми или *результатом их длительного взаимодействия* — коллективным продуктом их постоянного общения» (стр. 63, курсив г. Милукова).

Но «лицо», «общение» и «взаимодействие», как подчеркивает и сам г. Милуков, суть явления *социально-психические*. Стало быть, и «результаты» взаимодействия людей относятся к социально психической области. Где же обретаются факторы от психики независящие, те условия, продуктом которых есть само общество, общение и взаимодействие людей?

Г. Милуков различает в развитии национальности два периода: когда она *создается* и *сознается*. Национальность, — полагает он, — создается вследствие долгого, отчасти скрытого в предъисторической тьме, процесса; сознается же национальность сравнительно недавно.

Касаясь первого периода, наш исследователь сперва останавливается на влиянии *физической* среды, на физических однообразиях, которые наследуются «данной национальностью или группой национальностей» (стр. 67). Влияние это настолько велико, — доказывает он, — что речь заходит далее о «предопределении». Климат, ветры, количество дождевых осадков прежде всего влияют на растительный покров, но через него и на человека; могучий, не поддающийся уси-

лиям человека тропический лес, по сторонам его пояс сухих песчаных пустынь, опоясывающий весь земной шар, затем полоса травяных степей, далее область влажных лесов севера и, наконец тундра, в которую они переходят, —

«все это естественные кадры, фатально предопределившие типы национальностей, которые населяют эти различные зоны и их историческую смену» (стр. 68, курсив мой).

Но «физическое однообразие», повидимому, относится не к национальному (социальному), а к расовому (биологическому). Раса, конечно, фатально предопределялась физической средой. Но бесчисленные варианты рас, т. е. физические типы национальностей? чем они «предопределялись»? Мы знаем, что г. Милуков заявил себя сторонником неоламаркизма. «Подвижность» европейских, например, «рас» и пестроту их смешений, сравнительно с более однородными и менее подвижными типами в предполагаемых центрах происхождения этих рас — в Азии и в Африке, — он хочет прежде всего объяснить понеоламаркистски: влиянием физической среды и передачей по наследству вновь приобретаемых признаков. Мы придерживаемся «старых» взглядов, что пестрота рас определялась преимущественно скрещиванием и половым подбором, и что «приобретенные» признаки по наследству не передаются. Этот спор когда-нибудь окончательно решит биология. Но «тип» национальности, если отбросить бесспорное — расовое — неужели, также создавался под воздействием «естественных кадров», т. е. фактора природного, географического?

Какими же данными это подтверждается?

Вот какими по г. Милукову: 1) у народов Огненной земли, у алеутов и у жителей Замбези наблюдается сравнительная атрофия ног и могучее развитие рук, ибо «среда заставляет все эти народы далеких друг от друга стран проводить значительную часть жизни на лодках» (стр. 68); 2) замечено, что в борьбе расы с новыми влияниями среды выживают далеко не все. Так, например, в Алжире гибнут северные европейцы, а приспособляются и дают потомство южные; 3) два французских ученых — Бару и Сержан — написали интересное исследование о Фламандских расах быков, лошадей и людей, «в связи с походкой на равнине», где собрано достаточное количество свидетельств о том, что широкий круп и таз, широко поставленные ноги, плоская ступня ноги и т. д. — есть плод влияния местной, фламандской природы на людей и животных.

Г. Милуков все время говорит о *физической* среде. Но тут возникает такой вопрос: если в *разных* странах и климатах (у огнеземельцев, алеутов и жителей Замбези) *одинаковый* образ жизни («проводят значительную часть жизни на лодках») *одинаково* влияет на руки и ноги разных народов, то в *однообразном* климате, в *одной* и той же стране — *разный* образ жизни будет *разно* влиять на один и тот же народ. И действительно, стоит только посмотреть, скажем, на моряков, углекопов, кузнецов, земледельцев всех народов, как между людьми одной и той же профессии можно найти оди-

наковые, поразительные черты сходства, несмотря на национальные или расовые различия. Горожане-фламандцы похожи на горожан других национальностей, а у великороссов-сельчан легко найти характерные отличия сельчан фламандской «расы». Физическая среда «очевидно», тут не при чем. Тут «образ жизни», т. е. жизнь в созданной человеком *искусственной* среде, т. е. жизнь «общественного» а не «естественного» человека. Г. Милоков нигде не проводит различия между физической и искусственной средами. Он их постоянно смешивает.

В этом отношении наш поборник новизны остается «излишне преданным научной старине». Так, великий французский историк Мишле декларировал, что без географической базы народ — исторический актер — ходит как бы по воздуху, как в китайских картинках. Он считал, что почва является не только театром действия, родом пищи, климатом и т. п. она — сотнями способов влияет на людей. Мишле учил: каково гнездо — такова и птица, какова родина — таков и человек. Отец философского эклектизма Виктор Кузен по карте любой местности, ознакомившись с ее конфигурацией, климатом, ветрами, морями и водными бассейнами, и всей ее физической географией, с ее естественной производительностью, с ее растительным и животным миром, бражя à priori предсказал, каков будет человек в данной местности и какую роль неизбежно а не случайно эта местность сыграет в истории во все эпохи. У Тэн понятие «среда» (*milieu*) распространялось на все, что окружает человеческое существо, на все, что образует материальную, нравственную и интеллектуальную атмосферу, в которой человек живет и движется: климат, почва, учреждения, религия, правительства. Можно было бы до бесконечности увеличить число таких огульных смешений естественного и искусственного, природного и социального, которое давала возможность за понятием «среда» удобно укрываться и толковать о непосредственном воздействии географии на общественное человека, о природе, которая всем заранее, и ныне, и во веки веков распорядилась. Такое воззрение весьма затрудняло понимание прогресса форм социального общения. Возьмем для примера восточную часть европейской равнины, где во всю ширь впоследствии развернулась Россия. Г. Милоков указывает, что эта географическая среда была особенно удобна для того способа общения, взаимодействия и т. д., который, как он неоднократно повторялся, явился древнейшим способом образования человеческих и национальных групп — для кочевого быта. Каким же образом на этой же равнине развилось земледелие, которое почти совершенно вытеснило кочевничество? «Очевидно», какие то обстоятельства, независимые от географической среды, побудили людей перейти от одного способа общения к другому. Для объяснения этого замечательного явления потребовалось ясно провести черту между физическим и социальным. И только тогда, когда было найдено, что социальное в конечном счете определяется состоянием сосредоточенных в руках человека материальных производительных сил; что природа дает людям или богатство средствами существования (плодородие почвы, обилие

рыбы в водах и т. п.) или богатство средствами труда (водопады, судоходные реки, лес, металлы, уголь и проч.) — причем первый вид средств преобладает на низших ступенях культуры, а второй — на высших, — лишь тогда становилось ясным почему на землях, приспособленных к кочевничеству, к торговле, к мореплаванию, к земледелию ни того, ни другого, ни третьего либо никогда не было, либо «было да сплыло», либо там, где человеку, казалось, негде было примоститься, развернулась богатейшая промышленность. Благодаря этому же указанию стало легко разграничить социологический период от биологического периода развития человека.

Разница между «естественным» и «общественным» человеком та, что первый, подобно всему животному миру, полностью зависел от природы, или, выражаясь словами г. Милюкова: от «естественных кадров». Естественный человек и животное приспособляют к физической среде свой собственный организм, т. е. у них самих вырабатываются такие естественные орудия (органы), которые позволяют бороться за свое существование. Хотя мы, сознаем, и не читали труда Бару и Сержана, но охотно готовы признать связь лошадиных и бычачьих круп, тазов и проч. с походкой на равнине. Мы читали еще у Дарвина убедительные ссылки на искривление скелетов некоторых шотландских коров, «привыкших» пастись на крутых склонах. «Общественный» человек эту стадию прошел. Им творимая при помощи орудий труда социальная среда позволяла в случае необходимости видоизменять не организм, а искусственные органы — орудия труда — и действиям естественных сил не только противодействовать, но и коренным образом их «исправлять». О той же Фландрии Мишле однажды сказал, что, в сущности, она есть явление противоречащее природе. А Голландия, значительной частью находящееся ниже уровня моря, защищаемая постоянно возобновляемыми и поддерживаемыми плотинами, «очевидно» доказывает, как общественный человек создает для себя и физическую среду. Последняя действует теперь на человека косвенно, через общественный способ производства. Чем выше этот способ производства, тем меньше физическая среда на него влияет. Поэтому и национальность фатально не предопределяется физической средой. Она складывается, развивается и исчезает под давлением искусственной среды. Природа есть фактор постоянный: при Рюрике или при Аристотеле она была та же, что и сегодня. Изменилась она чрезвычайно незначительно. Люди же глубоко изменились и именно благодаря росту своих производительных сил.

Разумеется, попадая в незнакомую физическую среду — южанин на север или северянин на тропик — они рискуют погибнуть. Но и у себя дома они подвергаются такой же опасности гибели, ставши, предположим, моряками, не постигши искусства плавать. Для объяснения причин гибели в Алжире северных европейцев и выживания там южан, г. Милюков вынужден отказаться от неоламаркизма и опереться на атакуемого им Дарвина:

«мы видим, — говорит он, — здесь пример того естественного подбора, который для каждой страны и для каждого климата

должен был с самого начала отбирать и сохранять население, специально для них пригодное, бесжалостно убивая непригодных...

Однако, «естественный подбор» напрасно в данном случае тревожится. «Подбор» для Алжира, как и для всех других местностей, отобрал «специально пригодное» население во времена *plusquamperfectum*, и везде это население бесконечное количество раз менялось путем скрещивания и полового подбора. Европейцы — и северные, и южные — преспокойно останутся и остаются в Европе. Им надо только найти искусственную защиту от алжирской естественности, и они ее находят, как находят средства держаться на воде моряки, не умеющие плавать, как ее находят англичане в Индии, климат которой для них убийственен. Если же какие-нибудь европейцы решают массой, *навсегда* переселиться в непривычные для них, природные, условия, то их потомки дают совершенно новый тип, не находящийся в зависимости ни от «фатального предопределения естественных кадров», ни от «естественного подбора». По г. Милюкову они или должны выродиться, или заранее носить в себе задатки приспособления к новой среде, или превратиться в некое подобие местных национальностей. Нынешние буры, например, точку зрения г. Милюкова не оправдывают. Потомки «чистокровных» голландцев, эмигрировавших в южную Африку, буры дали новый тип (новую национальность) по той простой причине, что они суть пестрая смесь голландских переселенцев с англичанами, французами и чернокожими.

От «физической среды» г. Милюков прямо переходит к социальному общению, которое он называет «основным фактором, создающим национальность» (стр. 70). Оно начинает работать над оболваненным природой национальным типом и место наследственности заменяет могущественный психо-социологический фактор — подражание. «Это открыл творец «теории подражания» Ж. Тард, сгоряча определивший «общество или нацию» как «собрание существ», где происходит «процесс взаимного подражания». Г. Милюков не желает доходить до тардовских крайностей и отдает предпочтение Гиддингсу, который, оказав подобающее уважение «подражанию» связывает его с другими «элементами социального соприкосновения». Вслед за Тардом, Гиддингсом и Беджготом, г. Милюков перечисляет и характеризует эти элементы: традицию, заимствование изобретений, передвижение населения, расслоение общества на социальные группы и т. д., и т. д. Он или цитирует, или от себя делает замечания о сознании рода, социальной памяти, самосознании, воле, деятельности, воспитании, разнообразии, изоляции, сохранения прогресса, переживания каждым поколением личного опыта и заключает:

«красной чертой через все эти факты проходит факт человеческого общения и подражания» (стр. 76).

т. е. все рассмотренные элементы суть ничто иное как производные одного основного фактора: социального общения. Стало быть, на вопрос: как создается национальность? — ответ гласит: в результате влияния физической среды и социального общения. И все.

Люди социально общаются по какой-то определенной необходимости. Чем эта необходимость вызывается? Люди действуют друг на друга всегда с определенной целью. Что эти цели подсказывает? Люди подражают чему-нибудь для них в данное время, при данных обстоятельствах полезному. Где скрыта мера этой полезности? Социологический анализ г. Милюкова на эти вопросы не обращает внимания. Он их тщательно обходит. У него просто социальная среда равнозначуща социальному общению, которое вырабатывает коллективно-психические продукты, называемые им явлением национального порядка. А так как поставленные вопросы весьма важны для понимания процесса происхождения человеческого общества, с которым, как заметил и г. Милюков, совпадает происхождение национальности (стр. 72), то период создания национальности в изложении г. Милюкова совершенно непонятен.

Гораздо точнее рисует г. Милюков процесс сознания национальности. Оно впервые появляется при сопоставлении с чужим и уяснения своего несходства с ним. Но полное национальное самосознание проявляет народ лишь тогда, когда он обладает специальным органом «социальной памяти» и применяет «технические способы», чтобы сохранить воспоминания в ряде поколений, не искажая их. Пока такая память не организована, человеческая группа прозябает в состоянии этнографического материала. Соглашаясь с Дюркгеймом, который национальность определяет как группу людей, желающих по этническим или просто историческим основаниям жить под одними и теми же законами, образовать одно государство, настойчиво требующих права на уважение этой своей общей воли, г. Милюков напирает на «волюнтаристичность» национальности, становящейся «нацией»... Органы, выражающие мысль и волю наций, и хранящие в ряде поколений социальную память «по Тарду и Гиддингсу» в различные периоды истории различны. Они зависят от постепенно расширяющегося общения все более и более широких кругов национальности, которое идет «обыкновенно сверху вниз». Сначала вожди племен объединяют разъединенное и от них «исходит» «волна» национального подражания. Потом

«вместе с модами двора, его костюмами, его языком, сознание национальности распространяется на все более широкие социальные круги. Соответственно меняется и содержание национального сознания» (стр. 81).

и этот процесс иллюстрируется г. Милюковым примером Германии, оказывается «удачно освещенный» Отто Бауэром будто бы «как раз с развиваемой мною точки зрения». В этот период (цитируется Бауер):

«культурная общность всех, ведущих рыцарский образ жизни, — вот что связало господствующие классы всех немцев, — вот та связь, которая впервые спаяла всех немцев в единую нацию».

Затем начинается развитие городской жизни:

«городская буржуазия втягивается в национальный процесс и дает ему свою физиономию и свой, более широкий размах. Книгопечатание и широко раскинутые торговые сношения дают гораздо более прочный базис для социального общения, чем путешествия от замка к замку знатных гостей и придворных певцов. Конечно, вместе с формой общения меняется и его содержание. Реформация окончательно демократизирует национальное движение. Лютер дает ему могущественное оружие общения — общий немецкий язык, становящийся языком образованных классов. Появляется городская интеллигенция — *мозг и память народа*». (Курсив г. Милюкова, стр. 81, 82).

Наконец национальность «расширяется» до низших социальных слоев: «до мужика», и принцип новой национальности, сформулированный Кантом и Фихте открыто провозглашается и разносится по всей Европе генералами Франции, наследниками Французской революции. Этот принцип гласит: нация не мертвый объект, которым распоряжаются другие, а субъект, носитель своей воли.

Действительно национальным движение становится, когда объединительный процесс охватывает массы. Это бывает тогда, когда в умах и сердцах «каждого члена нации» зажигается «общая идея», каковой в истории народов является «прежде всего» идея религиозная, требующая, однако, «внутренней свободы веры для каждого», делающей «веру живым фактом внутренней жизни каждого» и тем низводящей религию «с алтаря и жертвенника в сердца и умы народных масс».

Весьма важно значение языка, как носителя национального общения и памяти: язык раздроблен — пока национальный процесс чисто стихийен, — он интегрируется в «сознательный период». С рождением интеллигенции, возникает литературный, становящийся впоследствии национальным, язык. По степени древности появления общего литературного языка узнается быстрота и давность процесса национального объединения и сознания.

Г. Милюков доказывает, что национальность постоянно оставалась явлением прогрессивным и только в начале XIX века «романтическое» понимание принципа национальности приводит к стремлению видеть в последней «продукт прошлого» и сделать ее назначением «охрану этого прошлого». Таким образом идет реабилитация темных, стихийных периодов истории, выставляется важность «традиции», призываются к поклонению мистически-таинственной «народной души». Сознательный элемент приносится в жертву бессознательному, минувшее объявляется пределом, на историческом процессе ставят точку.

Но пересматривая историю национального вопроса в Европе XIX столетия, долгие всего задерживаясь на развитии его у славян, г. Милюков приходит к выводу, что национальность не делается знаменем политической, социальной и идейной реакции, что основное направление национального процесса продолжает оставаться по существу демократическим и революционным.

Повторяем процесс развития сознания от чувства принадлежности к одному и тому же роду до полного национального самосознания — рисуется г. Миллюковым гораздо реалистичнее, чем процесс создания национальности. И понятно почему. *Сознание* благодаря определенным приемам есть *результат* психического взаимодействия людей.

Многие социологи сконцентрировали все свое внимание на изучение этих приемов и результатов, поэтому социология обогатилась односторонне сформулированными теориями, но накопила и систематизировала о сознании достаточный материал. Последний и был использован г. Миллюковым. Но приемы и результаты взаимодействия сами суть следствие общения, а общение есть явление *социально-психическое*. Следовательно, поскольку стихийное общение приводится приемами и результатами взаимодействия к некоторому организованному, фиксированному и передаваемому из поколения в поколение сознанию психическое влияет на психическое. Но взять общение и его производные, как причину и движущую пружину *создания* и развития социального явления, вроде национальности значит не брать никакого объективного фактора, лежащего вне психики и воли людей. Некогда, в своих «Очерках» г. Миллюков, перечислив формулировки Тарда, Гиддингса, Штаммлера очень справедливо сказал, что ни одна из них не исключает другой — и не исключает возможности *«новых формулировок подобного же рода, т. е. основанных на одном и том же коренном признаке психического взаимодействия»*. Требуется как раз найти двигатель психического взаимодействия, потому что и оно само есть результат какого то толчка, получаемого от действия более глубоких и основных сил.

Такой основной двигатель человеческого общения, общественных форм и вызываемых им изменений, указывает Отто Бауер. Поэтому у него процесс создания и сознания национальности строго закономерен. Как марксист он на первый план помещает состояние производительных сил в данную эпоху. Ими добываются или производятся средства для физического существования, для защиты от тысячи опасностей, для удовлетворения насущнейших жизненных потребностей каждого человеческого индивида. Производство или добыча этих средств совершается людьми сообща и вот причина социального общения и взаимодействия. Люди «прежде всего» вступают друг с другом в определенные производственные отношения. С развитием средств производства меняются производственные отношения, а тем самым и формы социального общения, все приемы и результаты этого общения, вся общественная психология. Таким образом искусственная среда, созданная людьми, создает и общественного человека и все социальные явления, в том числе и национальность.

Г. Миллюков основным фактором социальных явлений считает психический, а Отто Бауер — материальный фактор. У одного точка зрения идеалистическая, у другого — материалистическая. Поэтому с удивлением читаешь вводную фразу к обширным выпискам

из капитального сочинения Отто Бауера по национальному вопросу, делаемые г. Милоковым, об «удачном» освещении процесса национального сознания в Германии с развиваемой г. Милоковым точки зрения. Правда, для Бауера нация — это общность характера, выросшее из общности судьбы. Правда, и Бауер, не проходит мимо «наследственности», но для него унаследованные особенности нации ничто иное, как осадок ее минувшего, как бы окостеневшая ее история. Писать о нации для него значит писать об общности судьбы данной человеческой группы, борющейся за свое существование при помощи известных материальных производительных сил, вступающей друг с другом в определенные экономические отношения, совокупность которых составляло основу для всех «надстроек» психического порядка. Он постоянно твердит об «общности» судьбы, характера, культуры, языка и т. п., но эта общность потому имеет смысл и значение, что ни на минуту не упускается из виду материальный источник их происхождения. Он несогласен ни с Беджготом, ни с Гиддингсом, ни с Тардом, ни с Боклем, ни со всем тем, с чем согласен г. Милоков. Бауер, по язвительному замечанию г. Милокова «остроумно связывает явления по «марксистски», т. е. с экономическими и классовыми тенденциями. Г. Милоков же, приветливо витающий над всеми своими перво и второстепенными факторами, который «обращает внимание», с «трудом отрицает», не пытается объяснить», но «если угодно (!), то может говорить», — думает, конечно, «не отрицая доли истины», что подобное, марксистское, изображение, не охватывает явления (при описании возрождения чешского национального сознания) «в целом» и «затемняет основное». Дело, видите ли в том, что «прежде всего» в национальном движении объединяются «все классы». Всегда? У г. Милокова выходит как будто бы всегда. Это абсолютно неверно. В зависимости от обстоятельств места и времени все классы могут объединиться в национальном движении, но могут и разъединиться. Важнее то, что и объединившись разные классы вкладывают разное содержание в общие цели. Нам кажется, что здесь «основное» затемнено, но только со стороны г. Милокова. Затем О. Бауер, связывая возрождение чешского национального возрождения после почти столетнего замиранья с периодом развития городской промышленности и полагая, что национальное самосознание народных чешских масс есть лишь своеобразная форма социального протеста против иноземного класса эксплуататоров и притеснителей, по мнению г. Милокова неправ:

«национальное чувство воспитывается в деревне, среди крестьянства, независимо от города с его промышленным ростом, а иногда даже и раньше, чем среди городской буржуазии» (стр. 95).

Возражение против Бауера совершенно несостоятельное: ему безразлично где «раньше» зародилось национальное чувство чехов в деревне или в городе; для него существенно, что это чувство явилось формой протеста против чужеземцев — угнетателей и экспло-

ататоров, *которые* стали проявлять себя с развитием городской промышленности и торговли. Но тут, вдруг, обнаружилось, что возражая Бауеру, сам г. Милоков нечаянно задушил собственное детище: «нить» (как увидим ниже г. Милоков возвел ее в сан закона), связующую пассивную и активную стадии национальности, постепенно расширяющееся общение все более и более широких кругов национальности, идущее обыкновенно сверху вниз. И вот как г. Милоков старается оживить задушенное:

«В общем, конечно, можно сказать, что и здесь наш общий закон выдерживается: национальное сознание прогрессирует от дворянско-феодалного класса к городской буржуазии и от бюргерства к мужику: Но весь процесс идет несравненно быстрее, чем он происходил в первый раз, в темноте средневековья. При этом быстром темпе стадии процесса перепутываются, перескакивают друг через друга или сливаются» (стр. 95).

Понимаете, вышла всего «маленькая перепутаница» как выражается в одном рассказе прежнего А. А. Яблоновского старый переплетчик. Процесс должен идти по стадиям, а упрямые «стадии» устраивают скачку в перегонки, непочтительно играют в чехарду, но тем хуже для них, а «наш закон» выдерживается, как галилеевское: «а все таки земля вертится!»...

Собственно, и г. Милоков вынужден признать, что в марксизме «ценна идея закономерности исторического процесса» и кроме того то, что эту закономерность марксизм «вскрывал в области материальных процессов», где применение «строгих научных методов более легко», где, как открывает г. Милоков, «возможно даже количественное измерение процессов (статистическим методом) и установление единообразий». Но после всех этих похвальных замечаний указывается целый ряд черт, превращавшие марксизм в «отвлеченную и сухую доктрину»: догматизм, искусственность применения диалектического метода Гегеля, «добровольное» ограничение «сферы изучения и применения», отрицание самостоятельного значения за всеми «другими сторонами» исторического развития, кроме стороны материальной и т. д. и т. д. В частности марксизму вменяется в вину «насильственное втискивание всех национальных процессов под одну общеобязательную мерку, с полным игнорированием всех элементов местного национального своеобразия» (стр. 142). Словом, повторяются те самые обвинения, которые буржуазные «социологи» и историки всегда бросают марксизму именно за его открытия закономерности социального процесса и социальных явлений. А закономерность означает, что одинаковые причины вызывают одинаковые следствия и, если основными причинами исторического процесса являются материальные стороны, то «самостоятельное» значение всех других сторон ограничено.

* * *

Обратимся теперь к «национальным вопросам» в России, которым г. Милоков посвящает вторую, наиболее значительную, часть своего труда.

В национальном вопросе г. Милоков «волюнтарист». Такая позиция последовательно вытекает из всей его биологии и социологии. Волюнтаризм предполагает, что главное — это *воля*, поднимающее социальный организм над слепой *случайностью*. Для национальности главнейшее — это ее желание быть субъектом, носителем своей воли, а не пребывание в состоянии мертвого объекта, которым распоряжаются другие. И г. Милоков с сочувствием повторяет заявление Дюркгейма, что среди цивилизованных наций теперь является *принципом*: общая воля национальности, когда она утверждается с настойчивостью, имеет право на уважение, и что даже она есть единственная прочная основа государств.

Научный взгляд расходится с волюнтаристическим. Он интересуется *методом* разрешения вопросов, в то время как волюнтаризм ищет *принципы*. Тот самый А. Градовский, которого сейчас г. Милоков рекомендует как представителя научной точки зрения на национальный вопрос, подошедшего ближе других к правильному его пониманию, прекрасно выяснил, что «воля», положенная в основу явлений приводит к теологической или рациональной школе. Вся разница между ними заключается только в вопросе о том *какую* волю должно принять за основу явлений: божественную или человеческую, действующую по началам человеческого разума. Градовский находил, что рациональная школа есть законное чадо богословской схоластики средних веков, а последняя, в существе своем, была будущим рационализмом. Настоящий научный вопрос о законах развития общества исчезает в метафизических спорах о той или другой воле, тогда как разрешение этого вопроса, по его мнению, нуждается в естественно исторических данных, стоящих вне человеческой воли.

Но как бы то ни было высший пункт достижений в национальном вопросе «волюнтариста» Милокова и выдающегося русского либерала ученого и мыслителя А. Градовского одни и те же: создание национальностью своего самостоятельного, независимого государства.

Мировая война на Западе Европы, отчасти на Востоке и в некоторых местностях Азии — освободило угнетенные национальности и дала им возможность зажить в собственном государстве. Национальности строили «свой дом» — государственный — без «жалости» к старым «тюрьмам народов» и без благодарности ранее господствовавшим над ними нациями за их культурные насаждения. Национальности, наедине с собой, пребывали в глубоком убеждении, что господствовавшие чужеземцы, «управляя» завоеванными или присоединенными землями насаждали культуру и материальную цивилизацию в собственных — очень своекорыстных интересах и в накладе никогда не оставались. Материальная и духовная культура была сторицей оплачена угнетенными, ибо при ее помощи только

более утонченно и строго — рассчитанно шла эксплуатация местных средств существования и производства.

Освобождение угнетенных национальностей в результате мировой войны г. Милуков находит «последним» и «наиболее полным» торжеством «нового волонтаристического понимания существа национального вопроса» (стр. 104).

Собственно ничего «нового» тут нет. Уже давно было признано, что человеческий род разделен на огромное количество частных обществ, большинство которых образует вполне сложившиеся народности, не поддающиеся ассимиляции, так что соединять их под одним правительством можно лишь механически и насильственно. Но государство многонациональное (термин О. Бауера) или искусственное (термин Градовского) не может разрешить ни экономические, ни нравственные великие задачи, к которым оно призвано*). Какой же выход для него из тупика насильственного сплочения народностей? Или полный развал и организация нескольких национальных государственных единиц, или нахождение такой формы совместного существования под одной государственной кровлей многих национальностей, которая бы вполне заменила каждой из них в отдельности, и всем им вместе, собственное и независимое государство.

Для торжества угнетенных национальностей в результате мировой войны должна была исчезнуть габсбургская империя, развалиться царская Россия и войти в свои границы Германия и Турция. Обратим особое внимание на то обстоятельство, что наряду с народностями, достигшими высочайшего национального самосознания — государственного существования добились и национальности, переживавшие чуть ли не первые темпы этого сознания.

Как же национальный вопрос складывался в старой России?

*) В согласии с западно-европейской политической наукой А. Градовский еще в 70-х годах прошлого столетия писал: «Мы говорим, что, по общему правилу (курсив автора) государство тогда только прочно, правильно обеспечено в своем внутреннем развитии, когда оно построено на основе народности и служит национальным целям, — что искусственные государства не удовлетворяют самым элементарным потребностям народного развития, что они не могут обеспечить коренных условий гражданской свободы. Созданные обыкновенно насилем, они должны направить все свои средства на сохранение и поддержание своего искусственного единства. Они, в силу вещей, должны бывают подавлять всякое свободное проявление жизни и даже мысли. Развитие свободы кажется им опасным потому, что оно может напомнить насильственно сплоченным народностям об их правах. Признание даже административного самоуправления кажется невозможным, потому что за ними может явиться требование самостоятельности политической. Такие государства непрерывно живут между страхом внутренней революции и внешнего нападения. Малейшее пробуждение общественной жизни внутри кажется предвестником грозного переворота. Усиление соседа вызывает тревожные опасения. Правительство такого государства поставлено в весьма фальшивое положение. Оно вечно должно питать подозрение к собственному обществу, зависть к соседям». (Национальный вопрос в истории и в литературе. А. Градовского. СПб. 1873 г. стр. 28 и 29).

За исключением Финляндии и Польши на территории бывшей российской империи все остальные национальности и не помышляли об отделении. Само собой разумеется, что национальные движения, будучи демократическими и прогрессивными, влились в общероссийское освободительное русло. Шли поиски мирного сожительства. Национальности выставляли настолько скромные требования в первую очередь национально-культурные, что справедливость их стояла вне всяких сомнений. С подавлением в 1905—6 г.г. освободительного движения были подавлены и требования национальностей. И затем начинается период, который г. Милюков называет «от автономии к подавлению, от подавления к отделению». Он думает, что если бы первой революции удалось создать русскую свободу, то отношения национальностей к освобожденной России, «вероятно» были бы построены на начале автономии, национальной и территориальной» (стр. 173).

Скромные требования национальностей со стороны черносотенных (отчасти и прогрессивных) элементов русского общества вызвало взрыв зоологического великорусского национализма, а со стороны кругов, представленных в общественно-политической жизни г. Милюковым — убеждение, что национальности стали на путь создания общей российской государственной «нации». По этому первые разработали откровенную программу *господства*, а вторые добивались «органического единства» всех национальностей.

Наиболее яркое проявление господства мы находим в словах одного из главарей образованного в 1908 году Всероссийского Национального Союза:

«Без принятых ужимок и лицемерных оговорок, мы ввели в наш устав первый догмат национальности — *господство* своего племени в государственной черте. Мы, Божией милостью, народ русский, обладатель Великой и Малой и Белой России, принимаем это обладание как исключительную милость Божию, которою обязаны дорожить и которую призваны охранять всемерно. Нам, Русским, недаром далось это господство... Ни с того, ни с сего делить добытые царственные права с покоренными народцами — что же тут *разумного*, скажите на милость? Напротив, — это верх политического *слабоумия* и представляет собою историческое *мотовство*, совершенно подобное тому, как в купечестве «тятенькины сынки» — получив миллион — начинают разбрасывать его лакеям и падшим женщинам. Сама природа выдвинула племя русское среди многих других, как наиболее крепкое и даровитое. Сама история доказала *неравенство* маленьких племен с нами. Скажите, — что ж тут *разумного* идти против природы и истории и утверждать равенство, которого нет? И *справедливо* ли давать одни и те же права строителям русского государства и разрушителям его?»*).

*) Напечатано было в «Новом Времени» в № 11576, от 5/18 июня 1908 г. Цитирую по сборнику «Формы национального движения в современных государствах». СПб. 1910 г., под редакцией А. И. Кастелянского стр. 297. Из этого сборника щедрой рукой черпает, но довольно одно-сторонне, материалы о настроениях и движениях национальностей г. Милюков.

Этот «первый догмат» великорусской национальности нашел своего практика в лице Столыпина. Столыпин опирался при этом на большинство третьей Государственной Думы. Но там был и г. Милоков, который восклицал, что истинный патриотизм должен быть «российским, а не великорусским» и защищал политику, «основанную на чувстве солидарности, на известной совокупности стремлений, идей, которые общи всему (имперскому) комплексу». Обращаясь и к правительству Столыпина* и к густой стае черных воронов г. Милоков предостерегал:

«Если вы на месте российского государственного патриотизма хотите поставить ваш, великорусский, то вместо *органического единства*, к которому мы стремимся, вы можете получить только механический агglomerат центробежных стремлений, которые вам придется насильственно, искусственно сдерживать и вы придете к результату, противоположному вашим намерениям: вы из великой империи сделаете колосс на глиняных ногах!» (Курсив наш.).

Здесь г. Милоков к положениям А. Градовского прибавляет свои соображения об «органическом единстве» агglomerата национальностей, превратившихся в «российскую» нацию. Таким превращением разрешался бы трудный вопрос о формах совместного существования в исторически искусственно сложившемся государстве многих национальностей. Но был ли милоковский план разрешением задачи?

А. Градовский, разобрав современные ему воззрения на государство и национальность, пришел к категорическому выводу: одно из двух — или государство имеет свое основание в народности, и, в таком случае, система искусственных политических клеток противоречит истинному жизненному началу государства, *почему карта Европы должна преобразоваться и преобразуется* сообразно стремлению каждой народности к единству и независимости, или государство имеет свое основание в отвлеченной и безнациональной юридической цели, а потому система искусственных политических сочетаний должна быть поддерживаема, естественные стремления народов должно рассматривать как «разрушительные» теории и подавлять силою. Он добавлял: выбора нет ни для теории, ни для практики. А. Градовский далее спрашивал: Но ведь существуют же государства, не построенные на начале народности, вроде Австрии? И отвечал: да, но отсутствие этого принципа есть главная причина их вечной *болезни*. Австрия обладает хорошею и очень образованною администрациею, либеральною конституциею, доставляет подданным правосудие, обеспечивает им свободу и собственность. Почему же оно готово развалиться каждую минуту? Почему ее народы употребляют свободу слова для распространения идей, противных единству столь просвещенного государства? Не потому ли, что все они чувствуют, в какой степени они «не дома», не в своем государстве, и что их государство далеко не здесь? И вот просвещенное государство должно поддерживать свое существование или конституционными уловками, или армиею, т. е. или *обманом*, или *насилием*. Нор-

мально ли такое положение вещей, А. Градовский предоставлял судить читателю*)).

Конечно, каждый беспристрастный читатель сказал бы, что ненормально. Наука настаивала на *или — или*: или преобразовывать карту Европы, т. е. способствовать созданию национальных государств на место многонациональных или обманывать и насильничать. Сам Градовский, к сожалению, отказывался от своей научной теории, когда он сталкивался с действительностью. Так, он оправдывал «подозрительное отношение русских к каждому движению на берегах Вислы», т. е. отношение русских к полякам, — «мечтой» последних о польском государстве. И наследник Градовского г. Милоков тоже ничего не хотел слышать о самостоятельных государствах национальностей, входящих в состав российского имперского комплекса. Добиваясь «органического единства» он добивался создания новой российской нации, которая и явилась бы основанием государства. Тем самым российское государство было бы построено якобы на требуемых наукой началах. Но пропагандируя этот свой остроумный план г. Милоков не указывал ассимилируются ли национальности в новую российскую национальность или же они преспокойно останутся теми же национальностями какими были и лишь государственно будут считаться «россиянами». Для ассимиляции безвозвратно было упущено время. Если в течение столетий не могли ассимилировать национальности России, то накануне полного свержения самодержавия смешно было об этом и думать. Что же касается до государственной народности (*Staatsvolk*), то и в Австрии народности представляли в совокупности одну государственную нацию и это нисколько не мешало им разрушать австрийское государство.

Скорее всего надо полагать, что г. Милоков надеялся на ассимиляцию. Его путь к автономии — национальной и территориальной — о которой он сегодня говорит, был весьма извилистый. Во первых, в программе руководимой им партии народной свободы совершенно отсутствовал пункт о праве наций на самоопределение. Этот пункт предоставлял бы право национальностям, имеющих волю к образованию собственного государства претворить ее в дело. Одиннадцатый параграф кадетской программы давал национальностям право *культурного* самоопределения, что в переводе на общепонятный язык означало не больше и не меньше как свободу языков. Во вторых, двадцать четвертый параграф той же программы обещает, что

«после установления прав гражданской свободы и правильного представительства с конституционными правами для всего Российского государства (после!) должен быть открыт (!!!) правомерный путь в порядке общегосударственного (!) законодательства для установления местной автономии и областных представительных собраний, обладающих правом участия в осуществлении законодательной власти по известным предметам, соответственно потребности населения».

*) См. А. Градовский, цит. сочин., стр. 139, 140, 141.

Несмотря на оговорки относительно Царства Польского и Финляндии великодержавничество выпирает изо всех пор этого мудрого параграфа. Сначала сформируется централизованное, конституционное, единое и неделимое государство. Потом в парламентах пойдут разговоры и бесконечные обсуждения об организации сил национальностей, причем все будет решаться в центре, а на местах «население» в своих местных (областных) представительных собраниях будет национально смешано, отдельные национальности будут друг с другом бороться за власть в этих собраниях, и кто-то «третий» будет наводить мир и порядок. Кадеты хвастались, что этот параграф есть плод «соглашения» с представителями национальных организаций. Но эти представители были, «очевидно», буржуазные верхи, не слишком заботившиеся о тех национальных низах, куда, по изветному нам «закону» г. Милюкова, докатывается, наконец, национальное самосознание, чтобы проявить свою революционную волю.

В Австрии, когда в 1848 г. свергнут был абсолютизм, Меттерних бежал за границу, а Фердинанд «Милостивый» дал обещание ввести конституцию и новое министерство тотчас же приступило к ее выработке, «конституция превратила безличных немых подданных в говорящих и активных граждан», — рассказывает один из лучших знатоков национального вопроса Рудольф Шпрингер (псевдоним д-ра Карла Реннера) в своей работе о политической эволюции национальностей в Австро-Венгрии. Граждане заговорили на многих языках и заявили свои права на национальные конституции. В кремзирском рейхстаге представители наций «примирились между собою, взаимно размежевали свои права и «комиссия для устройства отечества» изготвила проект конституционного акта для австрийских государств». *Для австрийских государств!* Это был бы действительно исторический памятник солидарной работы национальностей. С горечью Шпрингер констатирует, что «полстолетия тяжелой национальной борьбы, огромные бедствия внутри, тяжкие поражения извне были бы предотвращены, если бы этот проект стал законом. Все дальнейшее развитие свидетельствует, что он наперед установил то, что было создано лишь потом, усилиями целых десятилетий». Однако, судя по указаниям г. Милюкова в разбираемом его труде (стр. 101). Шпрингер ошибается: дело шло совсем не об австрийских государствах. Великий чешский просветитель Палацкий в этой комиссии предложил разделить Австрию на восемь областей, из которых каждая соответствовала бы отдельной национальности и управляла бы свободно своими делами. «Но для немцев, — утверждает г. Милюков, — этот проект был слишком радикален. Комиссия соглашалась построить на национальных началах уезды, передав им задачи национально-культурные, — прежде всего школу». Следовательно, даже такой скромный проект осуществлялся несколько десятилетий и разжег национальную борьбу. Австрийский опыт должен был научить, что самые справедливые, осторожные и робкие пожелания национальностей, не то, что требование о собственном государстве, встретят сопротивление из рядов «державной народности».

И разве в бывшей России так не случилось? Разве не соорганизовался великорусский национализм после октябрьского манифеста 1905 года? Разве любопытная полемика, разыгравшаяся вокруг отвратительного инцидента Чириков—Шолом-Аш не дала возможность г. П. Струве найти русское национальное лицо, а части национально осознавшей себя русской либеральной интеллигенции вскрыть свои великорусские аппетиты? А «крестовый поход», объявленный г. Струве украинству? А его «Великая Россия»? А отношение к национальностям Государственной Думы, где партия г. Милокова продолжала оставаться «лояльной оппозицией Его Величества», отношение, характеризующее теперь г. Милоковым так:

«...первое русское народное представительство, извращенное и подтасованное «положением» 3 июня 1907 г., разочаровало народности и лишило их всяких надежд на удовлетворение их минимальных желаний в мирном порядке... Жертвой «положения» о выборах 3 июня сделались... и национальности, число мандатов которых было чрезвычайно сокращено. Вслед затем третья государственная Дума, в большинстве своем крайне националистически настроенная, начала решительную борьбу против наиболее сознательных национальностей и до последней степени их раздражила... Были внесены проекты... решительно порывавшие... с финляндской государственностью... и... проведены... с бесцеремонностью, оскорблявшей простое чувство приличия. Украинцы были взволнованы новыми преследованиями... Поляки, при всем консерватизме и даже угодливости польских представителей в Думе, были задеты за живое... Мусульмане также испытали новые религиозные стеснения и в особенности были недовольны усиленной русской колонизацией...» (стр. 174, 175).

Все эти и тысячи других фактов наглядно доказывают, что искусственное государство не может найти приемлемую форму для совместного существования многих национальностей. Ее не могли найти в Австрии, бывшей как бы лабораторией для решения национальных вопросов. Наоборот, там борьба распалась и ожесточилась. И это происходит от того, что такое государство — деспотическое или просвещенное безразлично — не может не опираться на одну (австрийское на немцев, венгерское на мадьяр) национальность, которая играет роль господствующей и не желает добровольно делить «добытые царственные права» с другими. И в России — старой или новой — господствующей национальностью была и оставалась бы национальность великорусская. Она всегда покрывала и продолжала бы покрывать понятие «россиянин». Поэтому надежды на образование новой «российской» «нации» были и остаются надеждами на ассимиляцию остальных народностей. Милоковский взгляд об этом есть простое отражение бытия так называемой русской интеллигенции, куда вливались представители разных национальностей, большей частью терявшие связь со своими соплеменниками и считавшие себя «россиянами».

Наступление великорусского национализма на народности революционизировало национальные движения. С возникновением мировой войны откровенным великодержавничеством проникались и лю-

ди, стремившиеся к «органическому единству». Так, когда на Западе в порядок дня ставился национальный вопрос и поддерживались стремления национальностей к образованию независимых государств, г. Милоков, как мы уже упоминали в первой статье, выставил программу новых захватов. И все таки российские народности еще не шли за сепаратизмом. Напротив, они верили, что торжество демократии в России найдет правильное решение и острый национальной проблемы.

И вот пришел долгожданный день великой революции. Что он принес национальностям? Г. Милоков как то странно обходит в своей книге полным молчанием трагический промежуток власти Временного Правительства и проводившихся им мер к удовлетворению справедливых требований национальностей. А именно в это время русская демократия разочаровала народности и толкнула их на самостоятельное устроение своей судьбы.

Октябрьский переворот окончательно вынудил национальности самоопределиться и наиболее подготовленные из них отделились от России. Большевики продолжали политику царизма и насильственно «собирали» отделившихся. Они не только не разрешили национального вопроса, но до крайней степени раскалили атмосферу национальной вражды. В момент ликвидации большевизма нет сомнения центробежные стремления национальностей проявятся и стихийно и сознательно. Признает ли г. Милоков, что эти стремления будут после падения «диктатуры пролетариата» полным торжеством волюнтаристического понимания вопроса — неизвестно. В новом его труде нет никаких выводов. Но все его прошлое доказывает, что с наукой, ясно настаивающей на предоставлении народностям права и возможности строить самостоятельные государства, г. Милоков считаться не будет.

Н. Галаган.

✓ Наказание или преступление ?

(К убийству С. В. Петлюры).

25 мая 1926 г. в Париже был убит выстрелами из револьвера один из украинских политических деятелей — С. В. Петлюра.

Так или иначе пресса всех культурных государств и народов отметила этот акт кровавой расправы над тем, чье имя всего несколько лет тому назад неизменно упоминалось в связи с ожесточенной противобольшевицкой борьбою и в самой разнообразной форме переплеталось с известиями об украинском политическом и национальном движении.

Нет ничего удивительного и неожиданного в том, что не проявилось единодушия как в оценке самого акта убийства, так и во взглядах на роль и значение убитого. Слишком много отдельных

индивидуумов, групп и объединений неминуемо встречает политический деятель на своем пути, слишком сложны, а порой и запутаны, взаимоотношения между отдельными личностями и группировками в современном социальном организме; слишком причудливый узор, зачастую негармонирующих между собою интересов, вырисовывается на тонкой канве общественных отношений, политических столкновений, классовой и национальной борьбы; слишком, наконец, большую роль в поведении отдельных людей и групп играют эмоциональные движения, а не холодный рассудок, — чтобы общественно-политический деятель мог рассчитывать на совершенно беспристрастную оценку, в особенности со стороны своих современников. Ведь даже в отношении к давно минувшим историческим событиям и к их выдающимся участникам, явно сказывается личный взгляд авторов, описывающих те или иные исторические явления. Тем в большей степени дают себя чувствовать личные симпатии и антипатии автора, описывающего и оценивающего современные ему явления общественно-политической жизни и современных ему деятелей. Совершенно излишним было бы заниматься здесь приведением доказательств того, что эти личные взгляды авторов определяются их общим мировоззрением а это последнее, в свою очередь, определяется их классовым самосознанием, вытекающим из их положения в обществе с его классовыми антагонизмами и классовой борьбой.

Но есть и еще один, весьма важный фактор, детерминирующий не только личные взгляды отдельных людей, но и влияющий на поведение значительных групп. Этот фактор — национальный антагонизм и национальная борьба. Его значение настолько велико во взаимных отношениях людей, что влияние его легко можно проследить и констатировать даже в таких областях, где, казалось бы, ему вовсе не должно было бы быть места. Достаточно вспомнить хотя бы тот факт, что во время последней мировой войны воюющие государства устраняли из школьных программ изучение языка своего военного противника, или указать на то обстоятельство, что даже в области точных физико-математических и естественных наук при оценке научного значения и правдивости той или иной абстрактно-научной теории часто входит в игру личность самого творца данной теории (напр., скептически-подозрительное отношение некоторых кругов, в том числе и некоторых ученых, к теории относительности Эйнштейна, еврея по происхождению). И как раз этот фактор — национальный антагонизм — во всей своей неприкрытой наготе проявился в отношении части прессы, как к самому кровавому событию, разыгравшемуся на улице Парижа, так и к убийце и его жертве.

Сам убийца С. Петлюры, часовщик-еврей, Самуил Шварцбарт, заявил, что к совершению своего жестокого акта он был стимулирован чувством ненависти к Петлюре за еврейские погромы на Украине и желанием отомстить ему за пострадавших евреев. Он высказал свое твердое убеждение в том, что погромы на Украине были организованы и совершены Петлюрою при помощи находив-

шихся под его командованием украинских войсковых частей или, по выражению Шварцбарта, украинских «банд».

Этот мотив был подхвачен известной частью печати, которая на все лады его перепевала и явно лицеприятно старалась привязать имя Петлюры к еврейским погромам — этой темной странице из недавней истории революционных событий на Украине.

Мы не ставим себе здесь задачи ни составлять обвинительный акт против погибшего С. Петлюры, ни наоборот — выступать в роли его защитников. Точно так же мы воздержимся и от обвинений или оправдания С. Шварцбарта. Уклоняемся и от того, и от другого на том основании, что сознаем свою принадлежность к одной из тяжущихся сторон и а priori не можем не сознавать того, что мы находимся в положении, не позволяющем нам быть совершенно безпристрастным и объективным судьей в этом большом споре. В трагическом событии 25 мая т. г. в Париже мы видим лишь отражение большой и трудной проблемы межнациональных отношений двух народов, населяющих украинские земли; в этом акте мести еврея, направленном против украинца, отображается, как в капле воды, весь трагизм неразрешенного национального вопроса, завязку которого нужно искать в условиях и характере политических, социальных и национальных отношений на Украине. Но и уклоняясь от обвинения или оправдания Петлюры, равно как и от оценки поступка Шварцбарта, мы все же считаем себя вправе с полной откровенностью и с наименьшей решительностью заявить, что — как бы ни был убежден С. Шварцбарт в правоте своих действий и как бы усердно ни старались его единомышленники оправдать его поступок, а его самого окружить ореолом славы героя-мученика и мстителя за свой народ, — мы, в свою очередь, глубоко убеждены в том, что ни искреннее сознание правоты и целесообразности своего поступка со стороны самого Шварцбарта; ни открытое или более или менее замаскированное сочувствие ему со стороны известных, близких ему общественных кругов и моральное оправдание жестокой его расправы над тем, кого он считал виновником издевательств над родным народом; ни, наконец, вполне понятное и законное чувство возмущения и отвращения к варварству погромного метода разрешения еврейского вопроса — ничто это не может быть признано разумным и достаточным основанием для того, чтобы *заклеймить С. Петлюру презренным именем погромщика.*

Украинцы, отдают себе ясный отчет в том, что попытка очернить память С. Петлюры, заклеить его печатью презрения, приписать ему инициативу погромной «акции» в период вооруженной борьбы на территории Украины имеет гораздо более широкое значение, нежели это может показаться на первый взгляд. У них, как и у всякого вообще здравомыслящего человека, не может быть сомнения в том, что, бросая столь тяжкое обвинение по адресу Петлюры, метят в него камнем злобы и ненависти не как в отдельную личность, но как в общественного и политического деятеля *украинского освободительного движения.* Пусть в среде самих украинцев мнения о личных качествах и деятельности Петлюры расходятся,

что, в действительности, и имеет место; но ведь в широких кругах общественности (и не в одной только Европе) с именем Петлюры неразрывно связывалось все украинское национальное движение последних лет. Более того, по неведению или с определенным намерением это национально-освободительное движение по его имени очень часто называли просто петлюровским. Совершенно очевидным является, что, очернив и заклеив имя Петлюры, обесславив, так сказать, главаря движения, тем самым достигается и другая, более важная цель: ставится под подозрение все украинское национальное движение, его характер, его внутреннее содержание и способы борьбы за осуществление своей конечной цели. Поэтому нет ничего удивительного, что украинские политические и общественные деятели самых различных взглядов, убеждений и партийной принадлежности, политические сторонники Петлюры и его противники, со всей решительностью встали на защиту памяти и доброго имени С. Петлюры в сознании того, что, защищая это имя от клеветы и позорного обвинения, они тем самым обороняют дело освобождения своего народа, разбивают злостные наветы, рассеивают тень подозрения относительно характера своей национально-освободительной борьбы, защищают свою национальную честь и свое человеческое достоинство. Но мы не хотим и никакого права не имеем сказать, что в деле защиты С. Петлюры от наветов и клеветничества украинцами руководит исключительно одно только чувство национального эгоизма и опасение, что, выдав его на поругание, позор и посрамление, они тем самым и самих себя подвергают опасности быть поруганными, опозоренными и посрамленными. Подобного рода предположение может возникнуть разве только у того, кто ослеплен злобою против всего украинства и из ненависти к нему готов отказать всем украинцам даже в чувстве нравственной обязанности выступить в защиту напрасно обвиняемого человека. Думаем, что нам нет необходимости доказывать существования у украинцев сознания необходимости защитить С. Петлюру перед общественным мнением не только как своего национального деятеля, но и как личность.

С. Петлюра в украинском движении последних нескольких десятилетий не был *homo novus*'ом; его убеждения были хорошо известны, вся его политическая, общественная и государственная деятельность прошла на глазах многих его товарищей и сотрудников, и поэтому, зная его близко и основательно, украинцы с полной искренностью, убежденностью и решительностью утверждают, что С. Петлюра никогда не был юдофобом и не мог быть поэтому ни организатором, ни вдохновителем еврейских погромов, каким его кое-кто желает выставить.

Но защищая от нападков, обвинений и клеветы своего национального деятеля и самих себя, украинские руководящие круги не занимают позы судьи в той тяжбе, где они могут выступать, очевидно, только как одна из сторон. Защищаясь, разъясняя отдельные факты и явления или освещая известные события из недавней истории вооруженной борьбы за свою независимость, украинцы не считают ни правильным, ни возможным принимать односторонние решения, вы-

носить в своей среде обвинительные вердикты и самим же приводить их в исполнение. Из их среды раздаются, наоборот, весьма веские голоса, предупреждающие широкие массы украинства о необходимости отделить вопрос об отношении к поступку Шварцбарта от вопроса об урегулировании отношений между украинским и еврейским народами и указывающие на опасность и нецелесообразность перенесения своего враждебного чувства к убийце Петлюры на весь еврейский народ. Однако широкие украинские массы, подобно массам иных народов, не так легко поддаются аргументам от разума и, воспринимая события непосредственно и более примитивно, так же непосредственно и примитивно на них реагируют. Из Украины поступают уже вести об отдельных противоеврейских эксцессах в различных местах и о росте юдофобских настроений среди украинского населения в связи с убийством Петлюры, имя которого и до настоящего времени пользуется большой популярностью, а в особенности среди украинского крестьянства. Этой широкой популярностью имени Петлюры в значительной степени содействовали и большевики постоянными своими нападками на него и настойчивым доказыванием, что украинское национально-демократическое движение есть движение «петлюровское».

Известия об отдельных противоеврейских эксцессах, таящих в себе опасных и возможность развития их в события, угрожающие мирному разрешению важного вопроса о совместном жительстве украинского и еврейского народов, понуждают нас без всяких колебаний, определенно и ясно высказаться в том смысле, что мы считаем большой ошибкой со стороны известных еврейских кругов то, что они заняли позицию безапелляционных судей в вопросе, подлежащем еще основательному исследованию и справедливому разрешению, и ведут враждебно-агрессивную политику относительно украинского национального движения. Подобного рода тактика не только не благоприятствует, но, наоборот, сильно осложняет и затрудняет возможность нахождения *modus'a vivendi* двух народов, в силу исторически сложившихся обстоятельств принужденных жить и работать бок о бок.

Сознательно уклоняясь от осуждения или оправдания поступка Шварцбарта, мы не можем, однако, пройти молчаливым одним, по нашему мнению, важного обстоятельства. Мотивом к совершению убийства Петлюры, как удостоверяет сам убийца, послужило его желание отомстить за еврейские погромы на Украине. Мы вовсе не имеем намерения отрицать то, что имело место во время военных действий на Украине в период 1918—20 г. г. Еврейские погромы совершались войсками Деникина; повинны в этом некоторые войсковые части русской красной армии, как и некоторые украинские части. Нам представляется совершенно излишним заниматься здесь собиранием доказательств того, что нет оснований подозревать руководящие большевицкие круги в нерасположении к еврейской нации или в прямом юдофобстве. Кажется, что и те, кто с таким усердием и смелостью выступили с обвинениями против украинцев, мало расположены подобного рода обвинения направлять по адресу

руководителей большевизма. Говорим об этом не для того, чтобы защитить честь большевиков или кого-то подозревать в излишней к ним снисходительности, а просто констатируем определенный факт, что по адресу московских большевиков и их красной армии со стороны национально-еврейских кругов вовсе не слышится обвинений в погромных действиях, виновниками коих они считают другие действующие на Украине факторы. Таким образом, с точки зрения этих кругов, вину в погромах должны разделить между собою — в равной доле, или в известной пропорции — две иные стороны из числа тех, кто в указанный период времени вели вооруженную борьбу на территории Украины, т. е. украинцы и деникинцы. Посмотрим же какая из этих сторон может быть подозреваема или обвиняема в сознательной подготовке и умышленном проведении враждебных выступлений против еврейского населения на Украине, в массовом истреблении этого населения путем погромов.

Ни для кого, конечно, не является секретом, что Деникин и его приспешники всегда выступали как явные юдофобы и погромщики. Вся эта черная сотня, все эти русские зубры, ютившиеся под крылышком деникинской белогвардейщины, вся их официозная и иная пресса с одинаковым ожесточением и скрежетом зубов выступала против евреев, отождествляя понятие «еврей» с понятием «большевик». Показателем подобных погромных настроений может служить хотя бы статья пресловутого В. В. Шульгина под названием «пытка страхом», напечатанная в 1919 г. в Киевской газете «Киевлянинъ», полная холодной жестокости и кровожадного антисемитизма. В этом же духе действовали и официальные органы деникинской власти на Украине.

Но если вся белогвардейская деникинщина представляла собою сборище реакции, черносотенства и юдофобства, то, будучи хоть минимально объективным, никто не может подобным образом охарактеризовать украинское национальное движение, которое было (и иным не могло быть) движением революционным и демократическим; ни один сколько-нибудь беспристрастный наблюдатель не может отрицать того исторического факта, что во главе этого движения стояли люди демократических и социалистических убеждений, а не ретрограды и юдофобы. И политика украинского правительства — пусть даже она не во всем была безукоризненной — тоже основана была на принципах демократизма. Специально в национальном вопросе, как об этом писалось уже в № 1 «Независимости»*), законодательным порядком признаны были самые широкие права национальным меньшинствам на Украине — в том числе и еврейскому — с отдельными министрами в составе украинского правительства (министр по еврейским делам оставался в составе правительства до последнего времени, перейдя в эмиграцию вместе с остальными членами украинского правительства и остатками украинской армии).

Так это было, и вряд-ли у кого-либо хватит смелости отрицать

*) См. статью М. Остерского: Русский вопрос на Украине. Независимость, № 1, июнь, 1926 г.

все это. Изменить этот факт не может и то обстоятельство, что отдельные плохо-дисциплинированные войсковые части украинской армии совершали незаконные с точки зрения украинской власти действия по отношению к еврейскому населению, нарушали иногда дисциплину и производили над евреями грубое насилие или даже избиение. Во всяком случае все эти эксцессы в среде правительства и украинских общественно-политических руководящих кругов не только не встречали никакого сочувствия или одобрения, но наоборот резко порицались и строго преследовались.

Почему же чувство ненависти Шварцбарта и его жажда мести обращены были на украинского деятеля, обвиненного в преступлениях против еврейского народа?

Быть может акт жестокой «мести» Шварцбарта по отношению к человеку, переставшему даже играть в последнее время активную политическую роль, в достаточной степени оправдывается его личными переживаниями и неподдающимся руководству разума движениям его наболевшей озлобленной души; быть может, в его насильственном и жестоком акте следует видеть не столько его вину, сколько беду, если в его психике иррациональное доминирует над рациональным; быть может это был акт больного душею человека, которому нужно просто простить его поступок, но чтобы понять этот поступок и надлежаще его оценить недостаточно всех этих предположительных возможностей для объяснения внутренних стимулов Шварцбарта к совершению убийства. Чтобы понять более глубокие причины этого трагического события, для этого необходимо рассмотреть его в перспективе недавней межнациональной борьбы и на фоне тех политических, национальных и социальных отношений на Украине, которые послужили причиной кровавых эксцессов национальной борьбы, и насилий над еврейским населением, и, наконец, револьверной расправы на улице Парижа.

Мы считаем единственно правильным и совершенно необходимым, подходя к пониманию и оценке поступка Шварцбарта, поставить его в определенные условия места и времени. В этих условиях он не будет, по нашему мнению, представляться случайным действием неуравновешенного или возмущенного человека, а явится в ином освещении, представ перед нами, как *одно из звеньев* (и, вероятно, не заключительное!) в цепи разыгравшихся на Востоке Европы событий, в частности тех столкновений и пертурбаций, которые имели место на Украине, в годы острой вооруженной борьбы. В свете этих событий поступок Шварцбарта приобретает характер и значение *не индивидуального акта мести, а лишь определенного эпизода из борьбы между двумя национальными коллективами.* В коротких словах мы и постараемся это выяснить в дальнейшем изложении.

Если мы начали свое изложение в связи со смертью Петлюры, то пусть будет нам позволено при дальнейшем изложении связать его с теми или другими датами из жизни и деятельности того же Петлюры, характеризуя при этом общественные и политические

условия украинской жизни того времени, к которому относятся соответствующие даты из его биографии.

С. Петлюра родился в 1879 г., т. е. три года спустя после издания известного цензурного закона 1876 г., с полной яркостью отразившего в себе весь трагизм тогдашней украинской действительности. Правда, уже в начале 60-х г.г. (1863 г.) русское правительство вполне определенно заняло враждебную позицию по отношению к украинскому языку и украинской литературе; устами министра внутренних дел Валуева оно формулировало программу своей политики в таких выражениях: «никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может, а наречие их употребляемое простонародием, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши». Слова этой правительственной программы, превращаясь в дела, проявились в целом потоке репрессивных мер по отношению к художественному и научному творчеству на украинском языке, завершившись в конце концов высочайшим указом 1876 г., которым уже *воспрещались* все виды творчества на украинском языке. Исключение сделано было только для художественной литературы, однако театральные представления и музыкально-вокальные выступления на украинском языке, равно как и украинские тексты к нотам были воспрещены. Положение вещей достаточно определенно характеризуется хотя бы тем, что *украинские народные песни исполнялись на французском языке!* Такое состояние продолжалось, с весьма незначительными изменениями и краткосрочными послаблениями, почти полных тридцать лет, вплоть до революции 1905 г. Уже в 90-х г.г., т. е. всего за 10—12 лет до этой революции, из соображений «чисто государственных» не допускалось печатание даже детских книг хотя бы по содержанию они и представлялись «благонамеренными», а также рекомендовалось цензорам воспрещать печатание украинских книг «при малейшем к тому поводе». Революция 1905 г. принесла формальную отмену варварского указа 1876 г., но наступившая потом реакция принесла с собою новые скорпионы для украинцев и их культурной деятельности. В начале мировой войны, в 1914 г., последовало *полное* запрещение всякого украинского слова не только на Украине, но и в оккупированных российской армией Галиции и Буковине, где графы Бобринские и епископы Евлогий предавали сожжению (не в фигуральном, а в буквальном смысле слова!) украинские книжки. Значительно хуже обстояло дело в области просвещения, ибо *украинских школ на Украине вовсе не существовало.*

Мы лишены возможности подробно описывать здесь все мероприятия русского правительства, направленные к полной денационализации украинского народа. Они имеют за собою очень длинную историю, начавшуюся чуть ли не на другой день после добровольного принятия Украиной протектората московского царя в 1654 г. и продолжавшуюся вплоть до наших дней. Результатом руссификаторской, анти-украинской политики было то, что украинский народ, лишенный возможности пользоваться родным языком в области культуры и науки, в темпе своего духовного и материального

развития значительно отставал от других европейских народов. Если и нельзя утверждать, что украинский народ в отношении духовной и материальной культуры деградировал, со времени принятия московского протектората, то с полным основанием можно сказать, что развитие его совершалось ненормально, а социальные отношения в его среде сложились так же однобоко, как это случалось и с другими поработанными нациями. Высшие слои украинского общества и подавляющая часть украинской интеллигенции, воспитавшаяся в русских школах, массами покидали свой народ, переходя на службу интересам господствующего русского народа и русского правительства.

Экономическая политика русского правительства была построена так, что все природные богатства окраин бывшей российской империи эксплуатировались в интересах центра; экономическое развитие окраин искусственно тормозилось, а за их счет шло развитие центра; собираемые на окраинах финансовые ресурсы использовались таким способом, что большая их часть поступала на нужды или устройство центра и только меньшая часть возвращалась на окраины в той или иной форме, но менее всего в форме расходов, способных поднять благосостояние окраин. Само собою разумеется, что не все слои русского общества в одинаковой степени участвовали в выгодах положения эксплуататора окраин, как и не все слои окраинных народов в одинаковой мере несли на себе бремя невыгодного для них совместного с русскими государственного существования. Русский мужик только косвенно извлекал выгоду из экономической и физической эксплуатации Украины с ее природными богатствами и значительным резервом людского материала, ибо вследствие такой эксплуатации тяжесть налогов и русского милитаризма уменьшалась для него; с другой стороны и потомок украинской казачьей старшины — позднейший дворянин-помещик — гораздо менее терпел от русской империалистической политики, нежели его согражданин — украинский крестьянин или потомок простого казака. Желая освободиться от тягостного положения члена эксплуатируемой нации, украинские крупные землевладельцы, а за ним и украинская интеллигенция, стали стремиться к достижению такого же экономического и политического положения, в каком находились их русские коллеги, что фактически равносильно было разрыву со своим народом и переходу в чужой лагерь. Этот процесс облегчался в значительной степени благодаря обрусительной политике русского правительства в области народного образования, вследствие которой украинское общество все более и более теряло прежнюю свою очень прочную связь с европейской наукой и культурой и приобщалось к значительно более отсталой русской культуре. На протяжении двух с половиною столетий совместного с русскими государственного существования украинский народ дошел до такого состояния, что кое-кто с видимым удовольствием готов был уже считать украинский народ простой «этнографической массой», неспособной к проявлению какого бы то ни было стремления к культурно-национальному обособлению от русских и к государственно-

независимому существованию. Потеряв свои высшие классы и подавляющую часть своей национальной интеллигенции, украинский народ обратился фактически в «народ крестьян и рабочих» с добавлением той части интеллигенции или полуинтеллигенции, которая по способу своей жизни и по своей профессии связана с основной массой украинского народа — крестьянством. Городское население Украины, в том числе и украинский пролетариат подверглось в сильнейшей степени руссификационной политике русского правительства, на помощь которой охотно шел пришлый русский элемент, а позднее также и украинские национальные ренегаты. Имена этих последних и до настоящего времени украшают собою списки русских, а иногда даже «истинно-русских», деятелей. Таким образом в силу исторических условий развития украинского народа носителем национальной украинской идеи стало главным образом крестьянство, неруссифицированная часть городского пролетариата, сельская интеллигенция и мещанство. Отсюда ясно, что для украинцев вопрос о их национальном освобождении тесно связан с вопросом о социальном освобождении тех трудовых классов, из которых, в конце концов, складывается основная масса украинского народа. На этом основана кратко-формулированная программа украинских демократических и социалистических партий, когда они говорят: «украинский народ не имеет буржуазии; он является народом трудовым, а его освободительная борьба одновременно есть борьба за право нации на самоопределение и борьба за устранение социального гнета и эксплуатации».

Справедливость этого положения подтверждается данным о национальном составе Украины, опубликованными советским правительством Украины на основании итогов всеобщей переписи 1920 г. и других материалов по этому предмету, собранных в 1923—24 г.г.*) На территории «самостоятельной» У. С. С. Р. живет 27.243,2 тыс. населения, в том числе в пределах собственно Украины — 26.705,1 тыс. и в пределах образованной в Херсонской губ. «автономной» Молдованской республики (А. М. С. С. Р.) — 538,1 тыс. В этой последней «автономной» республике украинцы составляют относительное большинство населения в 42,2%; молдован в собственной их республике живет около $\frac{1}{2}$ населения — всего 34,3%; русских — 10,3%; евреев — 9,2%; немцев — 2,4%; иных национальностей от 1% до 0,1%. Национальный состав Украины, беря средние данные по всем девяти теперешним губерниям, представляется в таком виде: украинцев — 82,4%, русских — 7,5%, евреев — 4,5%, немцев — 1,2%, других национальностей менее 1%. При этом только в одной Донецкой губ. украинцы составляют немногим более половины общего количества населения, а именно — 55,2%; в четырех губ. % украинского населения на несколько % выше средней нормы (в Харьковской — 88,8%, Волынской — 87,6%, Екатерино-

*) Национальный состав советской Украины. Объяснительная записка к этнографической карте, составлена Зам. Нар. Ком. Вн. Дел. Н. А. Чермончакевичем с участ. сотрудн. Н. К. В. Д. У. С. С. Р. Харьков. 1925 г.

славской — 87,2%, Одесской — 87,4%), а остальные четыре губ. почти сплошь населены украинцами (Киевская — 99,3%, Подольская — 94,1%, Полтавская — 98,4%, Черниговская — 96,5%). Но если приглядеться к национальному составу сельских и городских населенных пунктов, то окажется, что сельское население в среднем по всем губ. Украины состоит из: украинцев — 89,6%, русских — 3,8%, немцев — 1,3%, евреев — 1%, других национальностей менее 1%; городское же население (тоже в среднем) состоит из: украинцев — всего только 27,7%, русских — 35,3%, евреев — 31,2%, поляков — 2,1%, других национальностей менее 1%. Украинцы, следовательно, в главной своей массе составляют теперь сельское население: 96% из них живет в селах и только 4% живет в городах, преимущественно небольших поселениях городского типа. Русского сельского населения на Украине — 44,9%, а остальные 55,1% русских сосредоточены в городах, преимущественно больших. Из евреев менее 1/3 общего их числа на Украине — всего 19,3% — живет в селах; подавляющая же их часть — 80,7% — является городскими жителями.

Чтобы несколько подробнее осветить вопрос о национальном составе городов на Украине, приведем статистические данные относительно более крупных центров, а также некоторых менее значительных городских поселений. Девять теперешних губернских городов, являющихся центрами торговли, промышленности, администрации и культурной жизни, имеют следующий состав населения: в Харькове украинцев — 21,3%, русских — 50,5%, евреев — 20,6%, поляков — 2,7%, прочих — 4,9%; в Житомире украинцев — 17,9%, русских — 24,6%, евреев — 47,1%, поляков — 8,8%, прочих — 1,3%; в Артемовске (губернский город Донецкой губ.) украинцев — 40,0%, русских — 32,0%, евреев — 25,0%, поляков — 1,5%, немцев — 1,0%, прочих — 1,0%; в Екатеринославе украинцев — 4,7%, русских — 44,4%, евреев — 44,7%, поляков — 3,0%, прочих — 3,2%; в Киеве украинцев — 13,0%, русских — 49,0%, евреев — 32,0%, прочих — 6%; в Одессе украинцев — 2,9%, русских — 44,8%, евреев — 44,4%, поляков — 3,1%, немцев — 1,4%, прочих — 2,6%; в негубернском теперь городе Николаеве украинцев — 15,3%, русских — 50,9%, евреев — 28,5%, поляков — 2,2%, прочих — 2,2%; в Виннице украинцев — 35,4%, русских — 17,1%, евреев — 37,9%, поляков — 6,7%, прочих — 2,9%; в Полтаве украинцев — 58,0%, русских — 28,0%, евреев — 10,0%, прочих — 4%; в Чернигове украинцев — 30,5%, русских — 33,2%, евреев — 34,2%, прочих — 2,1%.

Таким образом из всех губ. городов Украины в одной только традиционной Полтаве украинцы сумели сохранить за собой большинство; во всех же иных губ. городах, особенно с более значительной торговлей и промышленностью, их вытеснили общими силами русские и евреи, заняв там доминирующее положение. Что касается национального состава малых городских поселений, то во многих из них преобладают украинцы, или во всяком случае они составляют очень значительный % населения. Однако и тут в отдельных слу-

циях преобладание остается на стороне русских в Харьковской губ.: Чугуев — 70,8%; в Донецкой губ.: Луганск — 49,0%, Сталино (Юзовка) — 75,0%, Енаниево — 64,9%; в Екатерин. губ.: Бердянск — 80,7%, Лозовая — 67,9%, Каменское — 60,6%; в Черниговской губ.: Новгород-Северск — 64,5%). В большей мере это относится к евреям: напр., в городах Вольнской губ. % еврейского населения колеблется в пределах 47%—64%; в городах Екатерин. губ. в среднем евреев 24%, а в Мелитополе они составляют 55,5% и в Никополе — 42,3%; в городах Киевской губ. евреев в среднем около 46%, при чем в таких городских поселениях, как Бердичев и Белая Церковь их насчитывается 72—73%; в Богуславе — 64%, в Умани — 58%, а в Звенигородске и Сквире 42—44%; в городах Подольской губ. евреев в среднем 45% (в Проскурове — 50,4%, в Могилеве — 56,0%); в городах Полтавской губ. их около 33% (в Кременчуге — 61%, в Ромнах — 43%, в Прилуках, Золотоноше и Пириятине — 40%); в городах Чернигов. губ. — около 20% (в Сновске — 44,1%).

Революция внесла, несомненно, известные изменения в эти национальные и отчасти социальные отношения, как они представлялись в довоенный период, но в общем и целом картина этих отношений сохранила свой прежний вид в том, что касается характера распределения населения Украины между городом и селом и национального состава городского и сельского населения. Эти объективные условия предопределили не только характер предреволюционной деятельности украинских национальных организаций, но и самое развитие революционных событий на Украине после 1917 г.

К началу 1890-х г. г. миновала эпоха «культурничества» и аполитичности в истории украинского движения, которое с этого времени приобретает определенно-политический характер. Возникавшие в это время в различных местах кружки и организации преследовали уже не только национально-культурные цели, но и цели социально-политические, считая, что культурно-национальное возрождение украинского народа не может быть достигнуто без политической свободы и социального освобождения. Основанная в 1900 г. наиболее влиятельная и деятельная «Революционная Украинская Партия» в свою партийную программу включила эти постулаты и совершенно определенно работала в духе социализма, ибо объектом ее национально-освободительной деятельности были массы украинского народа, терпевшие не только национальное, но и социальное угнетение. Насколько работа Р. У. П. отвечала требованиям момента, — об этом свидетельствует большой успех ее среди украинских трудовых масс, и в особенности среди крестьянства. Результатом деятельности Р. У. П. и ее агитационной работы было большое аграрное движение в Полтавской и Харьковской губ. в начале 1902 г. О роли и влиянии на это движение Р. У. П. свидетельствует тогдашний директор департамента полиции А. Лопухин, наблюдавший над производством следствия по этому делу. В своем докладе А. Лопухин отмечает «необычайно умелый подбор книжек, распространяемых среди крестьян. Им раздавали печатанные в Галиции на украин-

ском языке рассказы из народной жизни, рисующие экономическое неравенство и неравенство перед законом, равнодушие к крестьянству и произвол властей, тяжесть податей, причины бедности крестьян... Преступные книжки распространялись в народе в большом количестве и читались с необычайным интересом... Наблюдая за следствием, пишет Лопухин, я лично видел крестьян, которые совершенно свободно пользовались в своем разговоре ходячими терминами социалистической литературы и даже в тюрьме оставались непреклонными в отрицании властей, царя и бога»). Р. У. П. просуществовала до конца 1905 г. За это время вполне выкристаллизовался ее социал-демократический характер; она выработала новую программу, в основу которой была положена Эрфуртская программа, и на своем съезде в декабре 1905 г. не только официально приняла эту программу, но и приняла новое название — У. С. Д. Р. П.

На фоне всех этих явлений следует рассматривать начало общественной и политической деятельности С. Петлюры. Он происходит из бедной семьи мещанина г. Полтавы. Своим происхождением и воспитанием (в Полтавской духовной семинарии) он органически связан с той частью украинского народа, в которой сохранялась национальная украинская идея. Неудивительно, поэтому, что мы встречаем его среди наиболее деятельных работников Р. У. П., а позднее У. С. Д. Р. П. он работает в партии в качестве пропагандиста, организатора и редактора партийных изданий, печатавшихся главным образом за границей и только в короткий период «свобод» после революции 1905 г. выходявших на Украине. С наступлением реакции С. Петлюра, скрываясь от преследований полиции, уезжает на Кубань, где несколько лет отдается научной работе, а потом переезжает в Москву, где принимает самое близкое участие в издававшемся там на русском языке журнале «Украинская Жизнь». Не входя в подробности его биографии, отметим, что революция 1917 г. застаёт Петлюру на фронте в качестве сотрудника общественной организации земств и городов. С началом революции он со всей энергией отдается работе по укреплению нового строя, действуя преимущественно в области организации украинцев-военных, а позднее, в качестве генерального Секретаря войсковых дел Украинской Центральной Рады, он немало поработал для создания украинской армии.

Совершенно превратное мнение о том, что Петлюра «делал» революцию на Украине, и при том еще революцию «крайне-националистическую» или «шовинистическую», основано, конечно, ни на чем другом, как только на стремлении представить в извращенном виде или в тенденциозном освещении всю борьбу украинской демократии за национальное освобождение своего народа. В полосу революционных событий 1917 г. С. Петлюра вступил как член У. С. Д. Р. П. и в своей политической деятельности того времени руководствовался

*) «Записка А. А. Лопухина о развитии революционного движения в России», напечатанная в журнале «Былое» за 1909 г. Цитирую по книжке В. Дорошенко. «Революційна Українська Партія».

соответствующими директивами руководящих партийных органов. Кто хотя бы поверхностно знаком с историей революции на Украине, тот отлично знает, с какой осторожностью украинская революционная демократия подходила к разрешению проблем, выдвигаемых украинской действительностью в условиях революционного подъема, стремящегося к национальному и социальному освобождению угнетенного народа. Украинская демократия до крайних пределов возможности старалась сохранить верность провозглашенным ею лозунгам об общем строительстве нового порядка, основанного на свободе, и о совместном государственном существовании всех освобожденных народов бывшей российской империи. Организованная украинская демократия в лице Украинской Центральной Рады очень долго была убеждена в возможности и необходимости действовать плечо в плечо с русской демократией, искренне считая ее способной *проводить в жизнь*, а не только провозглашать *на словах* принцип свободы каждого народа самому определять свою судьбу и устраивать свою жизнь. В этом отношении и Петлюра не представлял собою исключения; он точно также принадлежал к числу доверчивых «кунктаторов», которые вызывали своею «соглашательскою» политикою относительно российского временного правительства недовольство и нарекания со стороны украинских крестьянских и рабочих масс. Достаточно ознакомиться с протоколами украинских крестьянских, войсковых и рабочих съездов 1917 г., на которых принимали участие тысячи делегатов, чтобы убедиться в том, что украинское национальное движение стихийно развивалось и катилось огромнейшей волной значительно быстрее, нежели следовали те или иные мероприятия украинского правительства — Генерального Секретариата Украины. До самого конца 1917 г. требования украинской демократии в области национальной политики были весьма умерены и не шли далее требования национально-территориальной автономии Украины. Но и эти, по существу очень скромные, требования вызывали бурю негодования и злобы и встречены были крайне враждебно всей русской демократией, от либерально-буржуазного крыла до социалистов включительно. Единственные большевики тогда еще декламировали о праве наций на «самоопределение, вплоть до полного отделения». Мы могли бы процитировать некоторые выдержки из статей, помещенных в «Ръчи», «Рабочей Газете», «Кіевской Мысли» и других русских демократических и социалистических органах, для характеристики тогдашних настроений русской общественности как в самой России, так и на Украине; но это слишком удлинит нашу статью. Скажем только, что русские единым фронтом выстроились в бою против осуществления элементарно-необходимых условий для национального возрождения украинских трудовых масс. Эти два фронта — русский и украинский, — образовавшиеся уже в самом начале революции, были предвестниками тех кровавых событий и вооруженной борьбы, которые развернулись на Украине в последующие затем годы революции, когда Украина вступила в открытую войну с Россией, представленной большевицким правительством и русской красной армией.

С самого начала революции 1917 г. руководство ею на пространстве всей бывшей российской империи попало в руки городских элементов, а сельское население поставлено было перед необходимостью признавать авторитет возникших в городах организаций революционной демократии. Из приведенных выше данных о национальном составе городского населения на Украине совершенно очевидно, что в применении к украинским условиям это обозначало ни что иное, как переход руководства в руки русско-еврейского элемента. Но это обстоятельство ни в коем случае не могло удовлетворить украинское крестьянство и национально-сознательную часть украинского городского населения; оно только послужило стимулом к тому, что избранные на украинских крестьянских, войсковых и рабочих съездах представители вместе с представителями украинских партий и общественных организаций основали Украинскую Центральную Раду, ставшую фактически украинским революционным парламентом со своим краевым правительством в виде Генерального Секретариата. Значение Центральной Рады, как краевого парламента, впоследствии признано было (в июне 1917 г.) не только временным правительством, но и национальными меньшинствами на Украине, которые и вошли в ее состав, получивши $\frac{1}{3}$ мест из общего числа членов Рады. Но это не могло разумеется устранить основной причины национальной борьбы, и она продолжалась в стенах Центральной Рады.

В кардинальном вопросе об осуществлении территориально-национальной автономии Украины группировка членов Рады, после пополнения ее представителями национальных меньшинств, произошла не по признаку близости *классово-партийной* идеологии, а по признаку *национальной* их принадлежности. Члены Рады — украинцы, как принадлежавшие к трем наиболее влиятельным партиям (с.-д., с.-р. и р.-д.), так и беспартийные, более или менее тесно объединены были общей тактикой положительного строительства автономии Украины. Наоборот русские члены Рады разной партийной принадлежности (с.-д., с.-р., к.-д.) сближены были между собою отрицательным отношением к автономистическим стремлениям украинцев. Некоторые, и при том менее значительные, еврейские партии (поалей-цион, объедин. раб. партия) во многом были солидарны с украинскими социалистами, но зато другие, более влиятельные, а особенно «Бундовцы», в отстаивании русского великодержавничества выказывали себя большими католиками, чем сам папа. К этому нужно прибавить, что русские партии на Украине в своих рядах насчитывали значительное число членов не русской национальности: кроме так называемых «малороссов», не признававших украинского движения, в этих партиях было много членов еврейской национальности, занимавших при этом руководящие положения в соответствующих русских партиях. Мы не упомянули о польских представителях в Центральной Раде по той причине, что они не играли первостепенной роли. Но в общем можно сказать, что польские представители, особенно социалисты, сочувствовали стремлениям украинцев и их поддерживали, как их национально-освободительную борьбу, так и ме-

роприятия, направленные к осуществлению территориальной автономии Украины и к избавлению от русского засилья.

Такое положение вещей продолжалось до начала 1918 г., т. е. до первой оккупации Украины русской красной армией. Во время своего кратковременного господства большевики проявили необыкновенную свирепость и буквально неистовствовали в своей борьбе с украинским национальным движением. Даже украинских левых с.-р., признававших советскую власть, расстреливали за одно только то, что они были украинцами и имели удостоверения личности, написанные по-украински. Приходится констатировать, что во время первой оккупации Украины большевиками и их господства там весьма деятельное участие в жестоком преследовании украинцев принимали большевики-евреи, действуя в большом числе в качестве комиссаров и чекистов. Конец ихнему господству положила немецкая оккупация Украины, во время которой немецкое командование разогнало вернувшуюся в Киев Центральную Раду и посадило на ее место свою марионетку — гетмана. В период гетманата, длившегося семь месяцев под благосклонным покровительством немецких генералов, на аван-сцене появилась в роли правителей русская и еврейская буржуазия, на помощь которой явились в большом количестве бежавшие из России буржуазные элементы и бюрократы — «спецы». На голову украинцев снова посыпались тяжелые удары, но уже от руки русской буржуазии и старых царских бюрократов, с которыми в зачаточной мере солидаризировалась и местная еврейская буржуазия, крайне враждебно настроенная против вполне определившегося к тому времени стремлению украинцев к независимому государственному существованию. Народное восстание под руководством Директории, избранной Украинской Национальной Радой, свалило руссофильское буржуазное правительство гетмана и изгнало из пределов Украины оккупационную немецкую армию вместе с немецким ставленником-гетманом.

Время правления украинской Директории было временем вооруженной борьбы украинцев за свою независимость. Еще при Центральной Раде украинская демократия совершенно изверилась в возможности найти общий язык с русской демократией в вопросе о праве украинского народа на устройство своей жизни по своей воле, на основе принципа свободы и равенства наций. Пришедшие на место российского временного правительства большевики продолжали традиционно-империалистическую политику России в отношении Украины; небольшевицкие русские общественно-политические круги в этом отношении были всецело на стороне большевиков. Поэтому Центральная Рада еще в январе 1918 г. провозгласила независимость Украинской Народной Республики, а созданный в январе 1919 г. Трудовой Конгресс поручил Директории У. Н. Р. охранять ее суверенитет всеми средствами. Охрана его от внешних враждебных посягательств свелась к вооруженной борьбе украинской армии с двумя «Россиями»: «красной» в образе империалистов-большевиков и «белой» в образе денкинцев. Во главе украинской армии стоял член Директории У. Н. Р. и Главный Атаман ее войск С. Петлюра, кото-

рый был непреклонным борцом за государственную самостоятельность Украины и последовательным противником русского империализма всех социально-политических оттенков русского великодержавничества. В поисках выхода из тяжелых условий военной обстановки и вооруженной борьбы с русской красной и белой армиями Петлюра заключил договор с Польшей. Этот договор вызвал в среде украинских политических деятелей глубокий раскол, ибо и со стороны поляков определенно проявились империалистические тенденции относительно украинских земель. Но вопрос о том или ином отношении к ориентации на Польшу украинцы считают своим внутренним, при том очень важным, вопросом украинской политики. По вопросу же о самостоятельности и независимом государственном существовании Украины в среде украинских политических деятелей расхождений не существует, и все они в этом отношении вполне солидаризовались с Петлюрой. Доказательством этого последнего является тот факт, что после смерти С. Петлюры память его почтили как преданные ему сторонники его политики последних лет его деятельности и борьбы, так и его политические противники. И те, и другие чтит в нем национального борца и революционера, политика которого хотя и не разделялась всеми, но который, по общему мнению, честно служил делу освобождения своего народа так, как умел и как ему диктовала его совесть и понимание государственных интересов украинского народа.

Итак, основной фон обстановки при которой протекала деятельность С. Петлюры за несколько лет до его насильственной смерти, творила национальная борьба двух соседних народов — украинского и русского — из которых первый боролся за свою независимость против империалистических поползновений второго. Какую же позицию в отношении каждого из них занимал третий народ — евреи — или по крайней мере его более активные элементы? В лучшем случае — позицию нейтралитета, а в худшем — поддержки русского империализма против украинской независимости. Но если борьба на стороне противника является открытым враждебным действием, то и положение нейтралитета тоже чревато всякими возможностями недоразумений и даже столкновений в условиях совместной жизни, подобных тем, в каких живут украинский и еврейский народы. Сохранять нейтралитет с удобством, а иногда даже и с выгодой для себя, может какое-либо независимое государство при вооруженном столкновении двух других государств, существующих на своих собственных территориях, отдельных от территории нейтрального государства. Но гораздо более сложное положение создается тогда, когда определенная группа населения сохраняет нейтралитет на той же территории, где другая группа, и при том численно значительно большая, ведет борьбу за свое существование. Такой нейтралитет всегда кажется подозрительным и даже опасным, в особенности, если из среды нейтральной части населения выходят яростные сторонники противника.

Такое именно положение создалось на Украине во время вооруженной украинско-русской борьбы: евреи занимали положение

подобного рода, подозрительного с украинской точки зрения, нейтралитета. В этом кроется действительная причина враждебного настроения некоторых частей украинской армии по отношению к еврейскому населению и тех насилий, которые были произведены этими частями над евреями. Не Петлюра, разумеется, создал это положение вещей, которое от его воли ни в какой степени не зависело. Он был только бессилён, при всем своем желании предотвратить печальные события и кровавые насилия над еврейским населением Украины. Но и кровавый акт Шварцбарта не только не может разрядить атмосферу, но наоборот он еще больше ее сгущает и вызывает накопление чувства злобы и национальной ненависти друг к другу у двух народов, волею судьбы обреченных жить совместно на одной и той же нераздельной территории. Весьма характерным является факт, что убийство Петлюры произошло как раз в то время, когда в связи с возвращением к активной политической деятельности давнего союзника Петлюры маршала Пилсудского определенно говорилось об увеличении шансов Петлюры и о возможности активного выступления его против С. С. С. Р. Это обстоятельство позволяет сделать предположение, что в своем поведении Шварцбарт руководился политическими мотивами и действовал в интересах тех, для кого могло быть невыгодным или опасным активное выступление Петлюры, удачное осуществление его планов и достижение конечной цели этого выступления.

Борьба украинцев за свое национально-культурное освобождение и за свое государственно-независимое существование с убийством Петлюры, конечно, не может прекратиться, как не прекращалась она после военного поражения в 1920 г. и перехода Петлюры вместе с украинской армией за пределы Украины, когда его деятельность перестала быть решающим фактором украинской национально-освободительной борьбы. Основная борьба в этом направлении велась, естественно, там, где остались жить и бороться за свои национальные и социальные интересы массы украинского народа. Как свидетельствуют большевистские данные, в среде правящих кругов советской Украины насчитывается 45% русских, 26% евреев и только 21% украинцев. Однако, и этот, в большинстве чуженациональный, правительственный аппарат на Украине принужден «украинизироваться», ибо сепаратистические тенденции Украины обозначились вполне определенно и не поддаются насильственному их подавлению. Предотвратить искусственными мерами развитие этого процесса сепарации Украины от России никому не удастся, и с ним должны жить на Украине русские и евреи не только примириться, но и способствовать тому, чтобы он совершился в формах, возможно более безболезненных. Все, что затрудняет безболезненное и мирное урегулирование нормального течения событий на Украине, должно быть признано вредным, а может быть и преступным в отношении всего населения Украины без различия национальности. С этой точки зрения и кровавый акт Шварцбарта следует признать не справедливой мстостью, а преступлением, ибо он еще более омрачает

покрытый грозными тучами небосклон Востока Европы, и без того достаточно омраченный и глубоко потрясенный событиями последних нескольких лет.

Эн-Эн.

К КРИЗИСУ В ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

I.

Всесоюзную Коммунистическую Партию потрясает один кризис за другим. Выработался даже шаблон нарастания, развития и изживания этих кризисов. Внезапно ленинизм объявляется в опасности, ибо официальная политико-экономическая линия Партии подвергается беспощадной критике. Разгорается дискуссия. «Оппозиционеров» обстреливают сперва дальнобойными словесными пушками, затем обмазывают «контр-революционным» дегтем и, наконец, вываливают в десятках тысяч резолюциях и постановлениях организаций на местах, верных «большинству». Как из рога изобилия сыпятся увещевания, предупреждения, угрозы, перемещения и исключения. Внезапно все стихает. Коммунистическое небо проясняется. Торжествует «строжайшая партийная дисциплина», являющаяся — по уставу — «первой обязанностью» каждого правоверного ленинца. Оппозиционеров рассылают на покой: либо на Кавказ, либо за границу, либо в места не столь отдаленные.

Через некоторое время «сказка о мочале» начинается сначала. В огромном коммунистическом дисциплинарном батальоне возникают вновь волнения среди отцов-командиров. Масса безмолвствует: она лишь слушается, повинуется, и покорно голосует за свержение тех божков, которым еще только вчера ей вменялось в обязанность поклоняться.

Очередной кризис был вскрыт на XIV съезде партии и примечателен тем, что, по справедливому замечанию некоего Микояна, состоявшего в центральном комитете Партии в должности городского*), большевицкие высокие персоны занялись взаимным оголением. Зрелище было в достаточной степени отвратительное. Даже твердокаменную Крупскую проняло; она захныкала, что в борьбе с меньшевиками и эсерами «мы привыкли» «крыть» противников «что называется матом» (!) и тщетно взывала не вести «в таких тонах (!) между собою полемики». Но глас Крупской остался вопиющим в пустыне: матерые большевики не стеснялись «крыли», не стеснялись расхваливали гнуснейшие доносы друг на друга, не стеснялись перемывали все накопившееся нечистое белье. После съезда борьба приняла настолько ожесточенный характер, что сердце первого чекиста союзных республик Дзержинского, буквально лопнуло.

«Оппозиция» сгруппировалась вокруг Г. Зиновьева (б. председатель Коммунистического Интернационала), Л. Каменева (б. бессменный председатель Политбюро), Н. Крупской (вдова Ленина) и Г. Сокольников (б. народный комиссар), и сейчас консолидируется, организуется и привлекает к себе всех недовольных от Троцкого до Медведева включительно. В отличие от всех предыдущих «оппозиций» она старается закрепиться организационно: выделяется особо в партийных «ячейках» на фабриках, заводах, в учреждениях, в красной армии, поддерживая между «оппозиционерами» постоянную связь; повсюду рассылает своих агитаторов и пропагандистов, чтобы склонять на свою сторону коммунистические и

*) Г. Микоян на съезде сказал: «Ильич говорил: ваш долг сидеть в Ц. К. в роли ...городовых и не допускать, чтобы вожди передрались». См. Стенографический отчет XIV съезда, стр. 187. Этот усердный чекистский городской теперь сделал головокругительную карьеру: его назначили вместо Каменева народным комиссаром торговли.

беспартийные массы; устраивает нелегальные типографии, где печатаются громовые прокламации с резкой критикой поведения «Ленинского Центрального Комитета» и, наконец, программно оформляет свои требования экономические и политические. Характерно, пока все эти господа были в большинстве — они «каленным» железом выжигали превратные мысли. Очутившись в меньшинстве — теплая компания обретает язык оппозиционеров-демократов (по ядовитому замечанию руководителя профессиональных союзов Томского — «невозможно демократии очень украшает сановника в оппозиции») и прямо истерически настаивают на гарантиях: не трогать «раскольников», обещать за ними право свободного выступления, терпеливо выслушивать их особые мнения и содоклады. Они — мировые лжецы — вдруг прозрели и повторяют, что «мужество состоит в том, чтобы только искать правду». Таким образом, перед нами люди типичной готтентотовской морали: «если я украл чужую жену — это хорошо, если у меня украли жену — это плохо».

Из-за чего же большевики подожгли свой сыр-бор и так угрожающе забрякали мечами и зазвенели щитами? Почему они вдруг, на радость врагам, начали терзать друг друга как пауки в банке? Проникающие за границу сведения свидетельствуют, что меры воздействия уже все исчерпаны вплоть до того, что оппозицию ставят вне закона и порох держат сухим. При этом все в один голос тянут песенку о необходимости единства и мира внутри партии хотя взаимная ненависть пенится, клокочет и переливается через край.

Каждая из сторон — сталинская («позиционная») и зиновьевская («оппозиционная») — отыскивала у конкурентки «уклон», т. е. ошибку или зародыш ошибок, губельных для достижения целей партии. Всякий «уклон» обильно перчил и солился записками, письмами, речами и сочинениями незабвенного «Ильича», причем все, соборно, клялись ему в верности, все были непримиримыми ортодоксами и никто не признавался в ревизионизме. А между тем центром всех споров был вопрос сугубо ревизионистский: строится ли в советском союзе социализм и можно ли его построить в одной стране, да притом еще отсталой? И в ответе на этот вопрос, одна постановка которого свидетельствовала что кого то надо в этом убедить, что где то копошится червь сомнения, обе стороны были единодушны.

По словам Зиновьева, начиная революцию, они были убеждены, что для завершения своей программы, хотя бы «вчерне» — им было достаточно *пяти* лет. Накануне девятой годовщины октябрьской «революции» он требует отсрочки, «по крайней мере» еще на одно десятилетие, и утверждает, что хозяйственные предпосылки для социализма «налицо», количество пролетариата в советском союзе вполне достаточно, международный рабочий класс «идет» советам на помощь, политическая обстановка благоприятна и закончится большевицкое строительство несомненно в планетарном масштабе. Также оптимистично настроен сторонник Сталина г. Рыков, хотя, по его собственному признанию, он, ни на *одном рабочем собрании* не чувствовал, чтобы рабочий класс «действительно осознал, что вот он дожид до того момента, когда начинают закладывать первые кирпичи нового социального общества». Бухарин, смертельный враг Зиновьева, в данном случае солидаризируясь с ним, воодушевленно восклицает: «мы будем плестись черепашим шагом, но социализм строим и построим!» И, наконец, Троцкий, благоразумно промолчавший весь XIV съезд, через два месяца после него поспешил углубиться в душу современного капитализма и обнаружить, что большевики во-время пропели ему отходную, так как он уже не способен выполнять прогрессивную историческую миссию — делать народы богаче, а их труд производительнее.

Но будучи уверены в возможности введения социализма в стране, где социально-экономические условия чрезвычайно примитивны, царствующая коммунистическая знать заспорила по вопросу о том как со-

циализм строить. И тут то выяснилось, что все «достижения» выдвинутого яйца не стоят. Социалистический воз, тянуть который впрягли пролетариат и крестьянство «и ныне там». Экономическая действительность продела глубокую борозду между коммунистами и тогда как одни — «опозиционеры» (за исключением, впрочем Сокольников) — предлагают «тряхнуть прошлым» и возвратиться к героическим временам воинствующего большевизма, — другие — «позиционеры» настаивают на продолжении той политики величайшего оппортунизма, когда ленинизм хватался за всякое средство какого бы характера оно не было, лишь бы попробовать — «маневрируя» — сохранить «советский оазис» среди торжествующей капиталистической стихии. Чтобы применять же тот или иной способ «строительства социализма» нужна власть. И поэтому на коммунистических верхах паны дерутся из за власти и не простой, а диктаторской.

Обе стороны за диктатуру. Но диктатура без диктатора есть нечто подобное всаднику без головы. Пока жив был Ленин — в его лице имелся общепризнанный властелин. С его смертью стал пустовать трон диктатора. Претендентом на этот пост был Троцкий, которого поддерживали некоторые круги, видевшие в нем бравого советского Наполеона. И сам Троцкий пустил пробный шар в виде статьи «Уроки Октября», чтобы доказать, что не Ленин, а он, предвидел и предсказал в России социальную революцию, которая и победила по указанным им схемам. А раз это так, то и дальнейшее углубление и развитие революции должно быть поручено ему. Но Троцкий слишком открыто подложил динамит под ленинский мавзолей, а Зиновьев и Каменев слишком быстро разгадали его бонапартистские вождедения и им, именно Троцкий был обязан расправой над собой и потерей авторитета как в большевицкой среде, так и в стране.

Те, кто свалили Троцкого сами начали проталкиваться к диктаторскому креслу. Они, правда, говорили о необходимости «коллектива», руководящем партией, но, по разоблачениям Ворошилова, коллектива весьма своеобразного: обеспечивается руководство двух-трех лиц, а все остальное «рассматривается как бесплатное приложение, как аксессуар, как неизбежное неудобство организационного порядка». Они, стало быть, хотели коллектива без коллектива. Таким путем Зиновьев и Каменев надеялись остаться глаз на глаз со Сталиным и, избавившись от контроля пленума Центрального Комитета, до поры до времени вдвоем господствовать, сведя Сталина на нет. Дальше они не заглядывали.

Но мудрую комбинацию Зиновьева и Каменева расстроил Сталин. Он их изолировал, искусно сосредоточив власть якобы в руках Центрального Комитета, и намерения Зиновьева и Каменева выступили как покушения на верховные права высшего исполнительного органа Коммунистической Партии. XIV съезд и шел под знаком отстранения этих прав от узурпаторов. Сталин заставил «оппозиционеров» принять бой тогда, когда, как наивно жаловался Лашевич, стратегии и соотношение сил диктуют бой не принимать. За каждой фразой на съезде об «отсечении» лучших учеников Ленина от руководящих ролей, о снятии работников, чтобы создать в Москве «благодущие», о предполагаемом разгроме целого ряда «оппозиционных» организаций — слышалось «долой Сталина!». Была выпущена против него Крупская. Понадеявшись на свой авторитет «вдовствующей императрицы» она захотела найти «истину» и монопольно комментировать духовное наследство своего супруга; она усумнилась в непогрешимости постановлений «большинства», причем сослалась на пример стокгольмского съезда российской социал-демократии, где преобладали меньшевики, которые были исправны. Каменев два часа скользил по принципиальным Сциллам и Харибдам и, в конце концов съехал на ...диктатуру Сталина. Ему вторили Зиновьев и Сокольников. Конечно, сталинцы в долгу не остались. На разоблачения они ответили градом разоблачений. Оппозицию, скромно себя назвавшую «сигнализаторами» заклеили как «ликвидаторов». Бесцеремонно протягивавшим руки к наследству «Ильича» — предложили их спрятать. Раздался воин-

ственный клан: «отобрать вотчины у Зиновьева и Каменева!», «долой наместников!», «нам не нужны советские атамань!» Против жены Ленина (по выражению того же Томского вещавшей «как пифия с треножника») выпустили сестру покойного. Истинной владеет съезд: его решения обязательны и для сомневающихся в правильности решения. Лениницы не согласятся на нарушение постановлений своего съезда, как они сами — вполне правильно — нарушили постановление стокгольмского. Никаких гарантий! Сталину несколько раз искусно устроили неожиданные овации. На трибуне появился даже тип, уютно поведавший о сладости покаяния, когда его, Захарова, сняли с работы и он, походив два-три месяца «в разряде обиженных» (с места раздался убийственный возглас: «и безработных!») пришел к Сталину и поблагодарил его за науку.

И съезд закрепил за Сталиным положение диктатора. Ибо из кого состоит не только высший исполнительный орган Партии, но и все ее органы? Из преданных Сталину людей, которых он, пока его коллеги увлекались высокими постами, медленно, упорно и систематически подбирал. Подчинив себе организационный аппарат Партии, Сталин подчинил себе и государственную советскую машину. Его подручные не замечают никакой диктаторской десницы. Им, как заявил на съезде Ворошилов, кажется, что просто «тов. Сталину, очевидно уже природой или роком (курсив мой) суждено формулировать вопросы несколько более удачно» и поэтому его предложения принимаются Центральным Комитетом. Ворошиловы не понимают, что в советских условиях «роковые» свойства Сталина и суть диктаторские свойства. Сталин «удачно формулирует» свою волю Партии, а Партия диктует волю Сталина союзу советских республик. Удачные формулировки Сталина становятся непреложными законами, которые, на основании демократического принципа, большинства, во всех иных случаях отрицаемого коммунистами, настолько становятся обязательными, что оппозиция хладнокровно истребляется и она вынуждена собираться под вооруженной охраной в лесных трупцах. Сталин стал всемогущим диктатором и тем самым диктатура в союзе советских республик получила недостававшую ей голову. В дальнейшем, борьба за его свержение невольно должна превратиться в борьбу за свержение всей системы диктатуры. Поскольку оппозиция общей своей «программой» имеет борьбу с Сталиным, постольку громадно ее значение, как одного из таранов, разбивающих диктатуру.

II.

Как же предполагает строить и построить социализм победившее на XIV съезде сталинское течение ленинизма? Большевиками было испробовано два способа постройки социализма: военный коммунизм и «нэп» (новая экономическая политика). Первый сразу декретивно «уничтожил» капиталистические отношения и сосредоточил производственный и распределительный процесс в руках советского государства. Военный коммунизм помог большевикам выйти из войны, справиться с контр-революцией, отчасти «собрать» распавшуюся на составные части бывшую империю, но он же вытаскил мелко-буржуазную стихию, которая подмыла все искусственные сваи наспех сооруженной коммунистической постройки. Народное хозяйство с грозным треском во всех областях разваливалось, по пятам военного коммунизма следовал неслыханный голод и Ленин спешно, под дулом кронштадских пушек, отыскивает выход «обыденщине» в новой экономической политике. Социализм строят вторым способом, по формуле: «Россия неповская будет Россией социалистической», потому что оказалось, что еще одна «предпосылка» — крестьянство — не принималось во внимание так, как оно того заслуживало. Крестьянство, получив землю, показало все свои собственнические инстинкты и явно повернуло назад к капитализму. По ленинской схоластике «нэп» не возвращение к капитализму, а арена для соревнования между капитализмом и социализмом. Кто воспользуется новым положением, — спрашивал Ленин, — мы или капиталисты? За кем пойдет крестьянство: за пролетариатом, строящем социализм или за капиталистом, который эко-

дит во много дверей «и нами и против нас ему открываемых»? Кто кого опередит? Успеют капиталисты раньше сорганизоваться и тогда, — объявлял Ленин на втором всероссийском съезде политпросветов в октябре 1921 г., — «они коммунистов прогоняют и уж тут никаких разговоров быть не может». В действительности, едва сняли некоторые административные препоны сковывавшие капиталистические отношения, как дух «обогащения» охватил и деревню, и город, и кооперацию («столбовая дорога социализма»), и государственную промышленность, и все «социалистические» операции. Капитализм бурно ворвался в открытые для него двери, а социализм, даже в каторжной, большевицкой, форме, начал плавно исчезать «з сияньи голубого дня». Бухарин до того был ошеломлен успехами «накопления», что, не справившись с коммунистическими святыми, бухнул лозунг «обогащайтесь!» И хотя потом всероссийский староста Калинин добродушно посмеивался, что призыв к обогащению в «наших условиях» имеет не большее значение, чем выкрик: «напивайтесь!» в пустыне Сахаре, несомненно население стало обогащаться, лучше есть и пить, начал исчезать спутник военного коммунизма голод, доводивший до людоедства. Роль капиталистических элементов в ущерб социалистическим возросла. Как экономически, так и политически поднялись враждебные пролетариату классы, да и сам пролетариат, на три четверти пополненный выходцами из села, разочаровался в максималистских лозунгах, поддался чуждым коммунизму влияниям и никак не мог усвоить тонкой разницы между эксплуататорами в буржуазных манишках и в кожаных куртках.

При «нэпе» рельефно наметились два явления: во первых, несостоятельность большевических планов. На каждом шагу большевики наталкивались на промахи и просчеты во всех своих плановых расчетах. Отсюда полная хаотичность при осуществлении «твердого бюджета». И, во вторых, малейшие, самые ничтожные обещания большевиков обращались против них самих. Заговорят-ли они о равенстве — рабочий неквалифицированный требует уравнивать его заработную плату с таковой же квалифицированного, бедняк настаивает на новом переделе земли, кулак домогается политических прав одинаковых с пролетарием. Попробует Зиновьев по вкоренившейся митинговой привычке обещать лошадей безлошадному, а ему преподносят проклятую арифметику: безлошадных — 40% крестьянских хозяйств, т. е. приблизительно 10 миллионов дворов. Если наделять каждый двор по одной лошади и то надо где то найти 10 миллионов лошадей. И среди коммунистов послышалось: «довольно впустую болтать... Расчитывать следует по копейке, а обещания давать надо только реальные!»... Но какие могут быть реальные обещания, когда осуществляется утопия? Сегодня даваемое есть нечто антикоммунистическое, которое завтра охотно бы отняли. «Оппозиция» как раз и желает отнять то, что дал народам С. С. С. Р. «нэп».

Она вопит об опасности развития капитализма со всеми его агентами: кулаками, нэпманами, новой буржуазией, верхушками «спецов», и советских служащих, частью буржуазной интеллигенцией и всем международным окружением. Она требует не соревнования с капитализмом, а уничтожения его тем радикальным и «революционным» способом, который применялся в незабываемые времена военного коммунизма. Она требует союза «с основной массой крестьянства» — середнякам и беднякам и беспощадного «ущемления» кулаков — гражданской войны в деревне. Ее лозунг: не отступать, а нападать! Как внутри «союза», так и во вне! Запад должен пробудиться от грохота социальной революции и нельзя жалеть средств на штурм западно-европейских твердынь капитализма.

Сталин к создавшемуся в результате соразнования капитализма и ленинизма положению в С. С. С. Р. подошел гораздо дальновиднее «оппозиции». Он решил расчитывать «по копейке» и давать только возможное. Прежде всего он разъяснил Ленина. «Нэп» не капитализм, а политика, рассчитанная на победу «пролетариата». Если буржуазные группы стремятся при нем провести капиталистическое накопление, то боль-

шевики должны стремиться к социалистическому накоплению. Городские капиталистические элементы податливы. С ними легко справиться и заставить их лить воду на коммунистическую мельницу. Но с деревенскими — дело обстоит совсем иначе. Как отнестись к быстро развивающейся в деревне кулацкой опасности? Разжечь там гражданскую войну? Разорвать кулака? Нет ничего легче и проще: коммунистические «молодцы» к этому вполне подготовлены. Но не превратится ли гражданская война в деревне в всесоюзное восстание против Коммунистической Партии и не поведет ли она к уничтожению ее диктатуры? Ведь в «социалистическом» обществе гражданская война бессмыслица, в нем господствует и должен господствовать гражданский мир. Сталин предложил отказаться от поднятия крестьянской жакерии и оторвать «основную массу крестьянства» от кулака, а потом, в свое время в два счета с этим паразитом расправиться. Сталин нашел, что пока есть капиталистическое окружение, основная задача большевизма заключается — до социальной революции на Западе — в том, чтобы сделать страну советов *экономически самостоятельной*, а не прозябающей в качестве придатка мирового капитализма. Инициативу социальной революции он передает самому Западу, который должен подготовиться к ней собственными силами. Советам же надо протягивать ножки по одежке: обеспечивать торжество социалистических хозяйственных элементов и накапливать для этого резервы. Надо способствовать росту производства и товарооборота в стране; использовать все ресурсы, соблюдать строжайшую экономию; разворачивать социалистическую промышленность, повысив ее технический уровень в строгом соответствии как с емкостью рынка, так и с финансовыми возможностями государства; поддерживать и толкать вперед развитие сельского хозяйства и содействовать развитию советской промышленности «на местах» (в районе, округе, губернии, области, республике). Словом, требуется советскому союзу индустриализироваться. Для экономической самостоятельности ничем брезговать нельзя: водочной монополией, концессиями, предоставляемыми серьезным сонскателям из иностранных капиталистов, займами, если даже придется «малую толику» заплатить по старым царским долгам.

План Сталина, как видим, расчленил постройку социализма на два периода: Сначала следует достигнуть экономической самостоятельности, постепенно добиться того, чтобы ни в чем не нуждаться из произведений мирового капитализма: все — от машин для выделывания машин, до хлеба — иметь у себя же, под руками. Естественных богатств в советском союзе «ни аршином не измерить, ни умом не обнять». Недостает пустяка: индустриализации хозяйства. Направленная в эту сторону энергия преодолет отсутствие высоко-развитой промышленности, разовьет производство средств производства, образует резервы для экономического маневрирования, повысит земледельческую культуру и технику земледелия, и поможет возникновению разнообразных форм коллективизации сельского хозяйства. Базируясь на внутреннем рынке укрепляются социалистические начала и союз советов послужит очагом для притягивания к себе стран, отпадающих от капитализма и вливающихся в русло социалистического хозяйства. Все это продолжается до тех пор, пока на Западе не побеждает социальная революция и от политики «экономической самостоятельности» можно будет перейти к политике включения союза республик в общее русло социалистического развития.

Все в этом плане прекрасно. Беда только, что он является ничем иным как «коммунистическим» переводом старой *буржуазной* мысли некоторых *буржуазных* утопистов экономистов, веривших, что можно отдельной стране замкнуться в своей внутренней скорлупе и так освободиться от губительных следствий влияния интернационального рынка. Сталин даже состряпал свежую теорию о том, что с возникновением на месте старой России советского союза «всеохватывающего капитализма во всем мире не стало». Но если буржуазные утописты-экономисты высказывали здоровую реакцию развивавшегося в их странах капитализма, обреченного на прозябанье без государственного покровительства при

столкновении с промышленной монополией преимущественно Англии, то сталинский «протекционизм» отечественный капитализм как раз и исключает. Индустриализация есть задача капитализма, тем самым подготовляющего условия для социализма. Кто берется при социализме строить основу для него, тем самым доказывает, что для его социализма нет никакой основы. В этом смысле сталинский план есть свидетельство о бедности всего ленинизма, взявшегося сварить социалистический борщ из гвоздей.

Но индустриализируя советский оазис, чтобы не нуждаться в продуктах и произведениях мирового капитализма приходится все таки впредь до «экономической самостоятельности», в предприятиях мирового капитализма закупать разнообразные товары. А закупая мудрено избегать «всеохватывания». И где взять для закупок средства? Из «прибылей» нынешней «социалистической» (государственной) промышленности? Но она нуждается, как слепой в поводыре, в поддержке и субсидиях. Из доходов от монополии внешней торговли? Но никаких доходов, кроме убытков, пресловутая советская торговля не дает. Ведь нет ни одного советского начинания, которое не было бы «содержанкой» государства. Остается казна, т. е. налоговой насос, выкачивающий подати главным образом из крестьянского резервуара. Но из средств этого же резервуара надо поднимать и сельское хозяйство, материально заинтересовывать «основную массу крестьянства» в социалистическом строительстве. Получается заколдованный круг: чтобы существовать и проделывать свои эксперименты коммунисты нуждаются в средствах, получаемых от крестьян, а чтобы крестьянство поддерживало коммунистов, надо последнему материально помогать. Выхода из круга нет.

Бухарин дополняя Сталина надеется заполучить деревенского союзника специальным экономическим воздействием. Он уверяет, что удастся «при помощи рычагов экономического воздействия повернуть, через свободу торговли, *минуя* (курсив Бухарина) капиталистические рельсы, крестьянство по нашему пути». Если есть смысл в этих словах, то только тот, что крестьянство будет продавать товары, будет платить подати, а хозяйство его каким то щучьим велением все больше будет социализироваться, а не капитализироваться. В советском союзе насчитывается около 20 миллионов крестьянских хозяйств патриархального или мелко-товарного уклада. Патриархальные хозяйства еще могут, пожалуй, временно «миновать» капиталистические рельсы, если они законсервируются в той примитивной экономической оболочке (все у себя производить, за незначительнейшим исключением, для удовлетворения своих собственных потребностей), в которой они испокон веков пребывают. Для них тогда исключается какой либо хозяйственный прогресс. Мелкотоварные же уклады крестьянских хозяйств уже двигаются по капиталистическим рельсам и испытывают на себе все законы конкуренции современного капиталистического общества. Влияние этих законов не в силах ни предотвратить, ни направить по коммунистическому пути г. г. Бухарины и Сталины.

План Сталина детально перечисляет все, что до зарезу нужно советскому союзу. Но все эти «способствования», «использования», «повышения», «увеличения», «развертывания», «поддерживания» и «упорядочения» остаются благими пожеланиями (которыми, как известно вымощен путь в ад, куда, однако, они ни сколько не мешают попадать) пока крестьянство не потолстеет от даров «товарища Урожая». В сущности к благоприятной для большевиков реализации урожая и призывается основная масса крестьянства. Здесь то и обретается корень «пролетарско-крестьянского союза».

Но здесь же таится и могила для сталинского плана. По словам Каменева в 1925 году хотели урегулировать мужичка, собравшего урожай. Каверзный мужичек, однако, не поддался и сам на несколько сотен миллионов рублей «регульнул» коммунистов. Такие «регуляции» чем дальше, тем сильнее проявятся. Такие тенденции и есть то, что Ленин называл организацией «капиталиста», ибо тут не личность, а общественное отно-

шение, которому благоприятствуют условия в стране советов. Сталинская индустриализация и бухаринское «воздействие» экономическими рычагами — социалистических отношений не создадут. Все «предпосылки» годятся для развернутых капиталистических отношений. Сталины и Бухарины похожи на куриц, высидивающих утиные яйца и по куриному недоумевающим, почему цыплята бегут к капиталистической воде. Они хотят изолировать кулака. Кто кулак, кто середняк и кто бедняк они и сами не знают и запутались между этими классовыми категориями как пошехонцы между трех сосен. Практика показала, что покровительство бедняку, выработало у него «индивиденческую» психологию. Бедняки теперь, с прекращением им коммунистической манны, превратились в недовольных. И они торгуют, и середняки с кулаками торгуют и общий враг их тот, кто накладывает на продаваемые ими товары — сельскохозяйственные продукты — «твердые цены». И возникает против «твердоценников» тайный, но прочный союз кулаков с середняками, опирающийся на недовольных бедняков, союз который пугал раньше и спутает в будущем все сталинские расчеты и заставит его со ступеньки на ступеньку спускаться все ниже и ниже в капиталистическое болото и давать все новые облегчения кулацкой деревне и городскому «хищнику». Сумеет Сталин расстроить этот тайный союз? На кого он может надеяться в деревне? Кажется, только на милиционера украинского старосты Петровского, который «есть и обязан быть ходячим агитатором за советскую власть и социалистическое строительство»? («Вісти» от 5 февраля 1926 г.)...

Но если даже основная масса крестьянства, проникшись необходимостью минимума советской экономической самостоятельности, и толкаемая на то своими запросами, захочет помочь Сталину «развивать» промышленность «на местах» — то здесь, рано или поздно, он натолкнется и на капиталистический характер этой промышленности, и на неожиданный им экономический «сепаратизм». Когда на «местах» ничего нет — тяга к центру, от которого идут удовлетворения запросов, усиливается. С расцветом же местной организации промышленности и местной инициативы, не только слабеет связь с центром (да еще таким «центральным», как советский), но все чаще стремятся порвать с ним окончательно, вследствие его чрезвычайного налогового и «потребительского» аппетита. В таких случаях обыкновенно выясняется, что центр весьма мало дает и слишком много забирает. В особенности экономический этот «сепаратизм» обнаружится в отдельных национальных республиках, примером чего уже может служить советская Украина, через два года после одного «районирования», недвусмысленно заговорившая о необходимости иметь свой, отдельный, украинский, бюджет, в который центр не смел совать бы нос.

Сталин думает социализм строить и построить тем же «нэпом» только переводя буржуазную стихию в социалистическое русло. Этим он хочет обмануть историю, которая ленинским «нэпом» помогла соорганизоваться капитализму и поставила ребром вопрос об изгнании большевиков. Нынешнее сталинское «отступление» этой неизбежности «изгнания» не предотвратит, а только отсрочит на некоторое время, причем и эта «отсрочка» лишь будет содействовать сплочению антибольшевических сил.

Озургетели.

ГРУЗИЯ.

ГОДОВЩИНА ВОССТАНИЯ.

27 августа с. г. исполнилось два года со дня известного восстания в Грузии против власти большевических оккупантов. Чем было вызвано восстание? Чем оно вдохновлялось?

В феврале 1921 г. Советская Россия напала на демократическую Республику Грузию, независимость которой была признана как европейскими державами, так и самой Москвой. После пятидневной борьбы страна была целиком занята чужеземцами. Утвердился деспотический режим. Грузинская государственность, во главе которой стояло Учредительное Собрание, избранное на основе всеобщего прямого, равного и тайного избирательного права, где из 130 депутатов — 105 были социал-демократы, — было разогнано, все свободы отменены, рабочие организации разгромлены, а народ подвергся неслыханному в его истории угнетению. И угнетающие, не имея за собой в стране никого, властвовали, опираясь всецело и исключительно на русские штыки. Поэтому угнетение выступает в одежде определенного национального засилия и в борьбе против него сплачивается все население Грузии без различия классовых перегородок. Лозунг этой борьбы — «вывод русских войск из пределов Грузии». Когда этого не могли добиться ни путем сговора Социалистического и Профессионального Интернационалов с Коммунистическим Интернационалом, ни пассивным наступлением на оккупантов — вспыхнуло восстание, основные причины которого так охарактеризовал наместник на Кавказе большевицкой московской власти: г. Орджоникидзе: «Прошло уже больше года после восстания и теперь мы можем спокойнее рассуждать о нем. Мы должны сознаться, что в Грузии, например, мы имели *поголовное восстание крестьян* (курсив мой). Конечно, мы можем все свалить на меньшевиков... И, конечно правда, что они устроили восстание. Но для последнего имелась в наличии почва. Из за хорошей жизни, как известно, никто не восстает. Как видно, крестьянство находилось в скверных условиях, если поверило меньшевикам и восстало». (См. Грузинский Коммунист № 12 от 16. I. 1926 г.).

Таким образом, г. Орджоникидзе сознался, что большевики довели крестьянство до такой жизни, после своего трехлетнего господства, что оно вынуждено было поголовно восстать. А между тем все помнят, как в дни восстания и долго еще после него, большевики и их агенты как внутри С. С. С. Р., так и за границей лгали, что никакого восстания не было, а было движение среди недовольной советской властью кучки белогвардейских офицеров, князей, дворян и торговцев, возглавляемых меньшевиками.

Цели, поставленной грузинским восстанием, не суждено было осуществиться. Враг справил кровавую тризну. Много активнейших сил нации и, в первую очередь, члены социал-демократической партии, были уничтожены. Большевики хорошо знали, что именно социал-демократия Грузии способна была сплачивать вокруг себя народные грузинские массы и вести с коммунистами планомерную и успешную борьбу. Поэтому они набросились на старых вождей социал-демократии и видных членов ее и сотнями, и тысячами расстреливали их и отсылали в сибирские дебри, во внутренние российские тюрьмы и местности, чтобы одним ударом убить двух зайцев: уничтожить социал-демократию и надолго обескровить грузинский народ, чтобы уж он не пытался вырваться из яра на него накинутаго.

Попрежнему в Грузии царит произвол, попрежнему власть держится на штыках чужестранцев. Ненависть к оккупантам всеобщая: рабочий класс, крестьянство и интеллигенция единодушны в своих стремлениях к национальному освобождению. Восстание потерпело поражение, но этим борьба не кончилась: она будет продолжаться до возобновления прерванной государственной жизни демократической Грузии. Но для того, чтобы борьба оказалась победоносной не мешает выяснить хотя бы в двух словах причины поражения всенародного августовского восстания и наметить средства избежать повторения всего того, что может губительно отозваться на освободительной борьбе грузинского народа.

Когда мы говорим о поражении восстания, мы имеем в виду, разумеется, поражение физическое. Моральная победа осталась за восстанием и это засвидетельствовало всеобщее сочувствие мировой демократии. Причины же физического поражения восстания прежде всего надо искать

в его изолированности от соседних, находящихся в таком же как и Грузия, порабощении у большевиков, государствах. Если бы восстание имело здесь отклик и Грузия не осталась бы предоставленной собственным силам, если бы восстание расширилось до закавказских и общекавказских размеров, то ход событий принял бы чрезвычайно неблагоприятный для оккупантов оборот.

Этот печальный урок все народы Востока Европы, находящиеся под гнетом большевиков должны учесть. Пройденный грузинским освободительным движением и восстанием путь учит нас, что эти народы должны иметь теснейший контакт друг с другом, должны координировать свои силы и предпринимать в случае необходимости общий натиск на общего врага.

То же самое диктуется и переживаемым нами политическим моментом. Не надо забывать замечательного указания К. Каутского, что «деспотизм, стоящий в противоречии с потребностями широких народных масс и опирающийся не на экономическую необходимость, а лишь на вооруженную силу слепо преданной армии и полиции — едва ли когда либо был преодолен иначе, чем силой». («Социалистический Интернационал и Советская Россия»).

Другой насущной задачей является пропаганда и агитация наших идей за границей. Для торжества наших целей необходимо склонить мировое общественное мнение на нашу сторону, необходимо убедить рабочих всех стран в правоте нашего дела, необходимо влиять на Рабочий Социалистический Интернационал в смысле защиты угнетенных народов Востока Европы и активной поддержки их борьбы за свое освобождение от большевизмской тирании. И грузинское движение в общем, и последнее восстание в частности, в этом отношении сыграло огромную роль. Теперь становится неоспоримым факт изоляции большевизма — этого социализма азиатского вида — от международного рабочего социалистического движения. Но все таки еще имеются отдельные группы и лица, которые сомневаются в том, что советский режим является опаснейшим врагом рабочего движения, что советское правительство является сейчас сильнейшим препятствием к подъему пролетариата во всем мире.

Таким образом единый фронт народов, борющихся на своих землях против советских оккупантов и единый фронт против большевизма во вне — вот лозунг сегодняшнего дня. Этим фронтом будет достигнута победа над диктаторами.

Т. Г.

БЕЛОРУССИЯ.*)

К ОБЪЕДИНЕНИЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СИЛ.

Белорусский народ, осуществляя право свободного самоопределения, на первом революционном съезде в декабре 1917 года, провозгласил неотъемлемое свое право жить на своей земле, по своей собственной воле.

Революционный Парламент Белоруссии — Рада Белорусской Народной Республики, — исполняя волю всебелорусского съезда, провозгласил в марте 1918 г. полную государственную независимость Белоруссии, окончательно разрывая этим актом государственные связи Белоруссии с Россией, которые были насильем царизма установлены.

Московские большевики, оккупируя Белоруссию в январе 1919 г. вынуждены были считаться с фактом существования власти независи-

*) Редакция с удовольствием дает место заметке белорусского социал-революционера Т. Г. о совещании белорусских социалистических организаций.

мой Белоруссии. Провозгласив на место свергнутой народно-республиканской власти «диктатуру пролетариата», они окрестили Белоруссию независимой советской социалистической Республикой, что должны были подтвердить и при вторичной оккупации.

Однако, декларативно признавая право белорусского народа на свободу и государственную независимость, большевики на деле продолжили традиционную политику великорусской великодержавности, насильственного захвата, централизма и паразитизма. Наиболее откровенно, со всей непристойной наглядностью, это выявилось при подписании Рижского договора в марте 1921 г. между Р. С. Ф. С. Р. и Польшей.

Рижский договор есть чудовищное насилие над правом свободного самоопределения. Обе договаривавшиеся стороны исходили из этого права, признавали государственную независимость Белоруссии и, вместе с тем, помимо воли белорусского народа, разорвали живой культурный и экономический организм Белоруссии на части. Западная часть последней (Вильно—Гродно—Белосток—Пинск) присоединяется к Польше. Московские дипломаты, во главе с Лениным, готовы были отдать Польше и Минск, но польские дипломаты, в лице Грабского от этой «любезности» отказались. Грабский свой отказ мотивировал тем, что Польше трудно будет «переварить» белорусский сепаратизм, имея, очевидно, в виду тот факт, что Минск является центром белорусского революционно-освободительного движения. Из центральной части Белоруссии (Минск—Витебск—Могилев) образована была Белорусская советская социалистическая Республика, а восточную ее часть (Гомель—Смоленск) непосредственно присоединили к Р. С. Ф. С. Р.

При такой разорванности территории, при том политическом, социальном и культурном гнете, который со всей жестокостью проводится, с одной стороны — московским большевизмом, а с другой — польской буржуазией, — не может быть и речи о нормальном развитии белорусского народного хозяйства и культуры. Для этого нужны совсем иные объективные условия. Если же принять во внимание еще и то обстоятельство, что Белоруссия, как ни один край Европы, подверглась разрушительной стихии империалистической войны, происходившей в течение ряда лет на ее земле (русско-германская война, а затем русско-польская), то станет ясным отчаянное положение Белоруссии. Разрушены фабрики и заводы, сожжены города и селения (например, город Сморгонь), разного рода реквизициями и поборами разрушено крестьянское хозяйство. И, что ужаснее всего, вся тяжесть восстановления разрушенного войною хозяйства Белоруссии, взвалена тяжелым бременем на плечи местного населения. Ни правительство С. С. Р., ни Польши не оказывают никакой поддержки по восстановлению края; но зато подати с белорусского народа они старательно получают, за недоимки забирают последние лаптенки и большую часть собранных народных средств затрачивают на нужды, ничего общего не имеющие с хозяйственной и культурной жизнью Белоруссии. Москва и Варшава в одинаковой мере хищнически эксплуатируют национальные богатства страны — огромные леса. Прежняя высокая лесистость Белоруссии становится уже легендой. В западной Белоруссии положение крестьянского хозяйства ухудшается еще и тем, что польская власть проводит «осадничество»: помещичьи и казенные земли передаются не местному малоземельному и безземельному крестьянству, а отводятся под военную колонизацию. Колонистам предоставляется льготный кредит, им выдаются разнообразные пособия, в то время как коренное крестьянство лишается даже возможности организовывать самопомощь.

Против этого насильственного, искусственно-созданного раздела Белоруссии на части, белорусский народ ведет упорную борьбу и на знамени всех белорусских политических партий имеется общее требование: объединение всех белорусских земель. Даже белорусские коммунисты, под давлением народных масс, выставляют теперь перед «всесоюзной» Москвой требование о присоединении Гомельщины и Смоленщины к Белоруссии.

Национальное освобождение белорусского народа тесно связано с его социальным освобождением. Без полного политического освобождения не может быть ни экономического, ни культурного возрождения. За последние годы белорусское освободительное движение было разгромлено террористической властью оккупантов. Но постепенно оно начинает возрождаться. Наблюдается проявление активности всех трудовых слоев Белоруссии.

Борьба за освобождение и объединение Белоруссии принуждает белорусских социалистов к установлению единства тактики и программы. Установление единства действий трудящихся Белоруссии есть главная очередная задача, которая в настоящее время стоит перед белорусскими социалистами. С этой целью 9 августа с. г. в Гродно состоялось совещание представителей белорусской партии социалистов-революционеров (Б. П. С.-Р.) с белорусскими марксистами, отколовшимися от Коммунистической партии западной Белоруссии (К. П. З. Б.). Главным вопросом совещания был вопрос об организации Временного Центрального Бюро Белорусского Социалистического Объединения.

Обсудив общеполитическое положение, созданное последними событиями на востоке Европы, совещание пришло к следующим основным выводам:

1. В так называемом С. С. С. Р. неуклонно нарастает реакция на коммунизм и полное банкротство системы коммунистической диктатуры. Наиболее отчетливо выявляется это в развале и разложении коммунистической партии и коммунизма вообще.

2. В Польше шовинистическая политика предыдущих правительств обанкротилась и привела к глубокому социальному и политическому кризису, что отчетливо выявилось в майском перевороте.

3. Политические кризисы в России и Польше, между которыми разорвана Белоруссия, болезненно отзываются на белорусском освободительном движении вызывая как на востоке, так и на западе Белоруссии ряд специфических явлений морального и идейного разложения.

4. Выходом из этого морального разложения является объединенная и активная деятельность всех социалистических элементов разорванного на части края, на основах борьбы за объединение, свободу и независимость белорусского народа.

5. Это объединение социалистов в своей деятельности должно руководствоваться в первую очередь социальными, культурными и хозяйственными интересами трудовых масс нашего края.

6. Белорусскому революционно-освободительному движению следует работать в полном согласии с социалистическими движениями других народов и руководствоваться общей идеей — братства всех народов. Идеалом своим белорусское движение ставит Соединенные Штаты свободных Народов.

7. Как первый шаг возрождающегося белорусского освободительного движения по поручению своих организаций, постановили учредить Временное Организационное Бюро Белорусского Социалистического Объединения, задачей которого является подготовка первого социалистического съезда Белоруссии, который должен принять устав, программу, наметить тактику борьбы и заложить крепкий фундамент для единой белорусской социалистической партии. Временное Бюро по соглашению составляется из пяти членов. Заграничное представительство до первого съезда возлагается на тов. ... О факте основания Бюро Социалистического Объединения оповещаются специальным обращением белорусские народные массы и обращением с информационными письмами к социалистическим партиям в крае и за границей.

Нам кажется, что в этом направлении пойдет дальнейшее объединение белорусских социалистических сил.

АМЕРИКАНСКИЙ КАПИТАЛ И БОЛЬШЕВИКИ.

(Библиографическая заметка).

Если обратиться к первому декрету совета народных комиссаров (от 23 ноября 1920 г.) об общих экономических и юридических условиях концессий, декрету, подписанному лично Лениным, то в нем можно найти краткое обоснование причин, которые заставили большевиков поставить на очередь «как практическую проблему» привлечение технических сил и материальных средств промышленно развитых государств. Декрет с самого начала пытается ввести в заблуждение иностранцев. Там указывается, что несмотря на необходимость «вести в течение трех лет вооруженную борьбу со своими врагами, Советская Республика достигла... значительных результатов в деле восстановления разрушенного народного хозяйства собственными усилиями и средствами». Это в конце двадцатого то года, когда господствовал военный коммунизм, когда еще бушевала гражданская война и не была еще закончена война с Польшей, когда подкрадывался царь-голод, через несколько месяцев унесший в могилу миллионы жертв! Но, — продолжает декрет, — этот процесс восстановления производительных сил России, а вместе с тем и всего мирового хозяйства, может быть *ускорен во много раз* путем привлечения иностранных государственных и коммунальных учреждений, частных предприятий, акционерных обществ, кооперативов и рабочих организаций других государств к делу добывания и переработки природных богатств России. Острый недостаток в сырье и избыток свободных капиталов в некоторых Европейских странах, *особенно же в Соединенных Штатах Америки, настоятельно побуждал* иностранный капитал обращаться к Правительству Советской Республики с конкретными предложениями применения в тех или иных условиях иностранного капитала для использования естественных богатств обширных областей Р. С. Ф. С. Р.»*). Смысл этих фраз такой: мы ничего не имеем против ускорения процесса восстановления производительных сил и открываем всем возможность соревнования в этом направлении, но, между прочим, нас теребят, нам не дают покоя, особенно американцы, и мы соглашаемся оформить условия концессий, не только в своих, но и всего мирового хозяйства интересах.

Знаменательно, что декрет, не называя ни одной европейской страны, обращавшейся с «конкретными предложениями» к советской власти, выделяет Северо-Американские Соединенные Штаты. Большевики надеялись преимущественно на американский капитал, но чтобы прикрыть слишком откровенную жажду его, они его свалили в общую кучу с рабочими организациями и коммунальными учреждениями (которые по самому своему характеру не действуют не только *за границей*, но даже и за своей околицей). И подумать только: национальное достояние Соединенных Штатов исчисляется приблизительно в 320 миллиардов долларов, в американских банках хранится сегодня 60 миллиардов, война им обошлась в 25 миллиардов, а наряду с этим они дали Европе займы 10 миллиардов, которые, благодаря выросшим процентам, превратились в 12 миллиардов! Американский капитал рыщет по всему свету; он задыхается от полнокровия; он скупает все нужное и ненужное; он сует свой нос во все государственные, дипломатические и национальные тарелки и одалживает без конца канадцам, китайцам, чилийцам, испанцам, персам, немцам, французам, чехословакам, англичанам, туркам, полякам, итальянцам, шведам... Как гиена терпеливо ждет он банкротства валют, трестов, концернов, чтобы за бесценок приобрести тяжелую и легкую промышленность, движимое и недвижимое. Он думает о нефти; он озабочен каучуком, цинком, кофе, селитрой, оловом, сейзелем (растение, идущее

*) См. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, № 91, от 30 ноября 1920 г. Декрет № 481, стр. 484.

на шпагат и веревки), поташем и кали. Он стандартизирует предметы массового потребления от консервов до гробов. За семь лет после войны Соединенные Штаты инвестировали за границу около 6 миллиардов. И по всем правилам логики большевики высчитали с точностью до одной десятой, что такой избыток капиталов и отсутствие сырья у Америки, а, с другой стороны, такое отсутствие капитала и присутствие сырья у «советской Республики», «настоятельно» побудит американцев толкнуться в советскую дверь и они ее заранее, специальным декретом широко раскрыли для приема сказочно богатых янки.

Декрет обещал концессионерам вознаграждение за вложенный капитал — «долей продукта, обусловленной в договоре, правом вывоза за границу»; торговые преимущества — в случае применения особая технических усовершенствований «в крупных размерах»; продолжительные сроки концессий — «для обеспечения полного возмещения концессионера за риск и вложенные в концессию технические средства»; давалось честное, большевицкое, слово, что «вложенное в предприятие имущество концессионера не будет подвергаться ни национализации, ни конфискации, ни реквизиции»; чтобы рассеять всякое недоверие к советской власти торжественно гарантировалось «недопустимость одностороннего изменения какими-либо распоряжениями или декретами Правительства (Правительство издает декрет и от самого себя особо гарантирует!) условий Концессионного Договора» (в подлиннике так и напечатано с больших букв). Все было подготовлено, как в самых лучших домах, «на многочисленных персон», как выражался в доброе старое время один полицеймейстер, прямой предок нынешних наркомов.

И званые знатные иностранцы не пришли. Сунулись было два или три подозрительных американца, скупили мимоходом за 8 миллионов долларов грузинские марганцевые рудники, да и то испугались столь дешевой покупки и приняли свои меры, чтобы их не обвинили в «соучастии». Но другие — поглубже запрятали кошельки и надежда большевиков на американское золото которым они могли бы так хорошо распорядиться, лопнула, как мыльный пузырь...

Обманутые в своих ожиданиях, выведенные из терпения большевики жестоко отомстили американскому капиталу: они выпустили на него, испытанного в боях Льва Троцкого.

И Троцкий против Северо-Американских Соединенных Штатов произнес две громовые речи: одну в 1924, а другую в феврале 1926 года. Кроме того он обронил несколько острых замечаний о них же в разных докладах, статьях, предисловиях и манифестах. Речи и острые замечания великого трибуна как крупинцы золота (пока, за отсутствием реального золота) подбирались послушными стенографами и с американской быстротой (пока, за отсутствием американской техники) были объединены, отпечатаны и преподнесены публике особой книгой еще не включенной в полное собрание сочинений г. Троцкого. На красном фоне обложки мрачно чернеют слова: «Л. Троцкий. Европа и Америка. Государственное Издательство. 1926 г.». В предисловии кратко, как и подобает почти военному человеку, Америке — капиталистическому властелину — предрекается пережить «неотвратимо» революционную эпоху. В тексте тонко разоблачается связь между американским империализмом и европейской... социалдемократией. Последняя, видите ли, подготавливает для американского капитала почву, бежит впереди колесницы, говорит о его спасительной роли, подметает, расчищает, благословляет... По достовернейшим сведениям сановного автора социалдемократии дано деликатное поручение: ни больше, ни меньше, как «политически помочь американскому капиталу перевести Европу на паяк». Европе ничего не остается как сесть на скудный паяк и в отношении флота, и в отношении сырья, и в отношении колониального империализма. Европа сама превращается «в американский доминион нового типа». Недостигаемый материальный перевес Соединенных Штатов «автоматически» (!) исключает для нее возможность хозяйственного подъема и возрождения. Что делать бедной старушке-Европе? Единственный выход для нее — это «пролетарская

революция». Разумеется будет трудною отсталой Европе. Безусловно лучше было бы, если бы пролетарская революция началась в Америке. Но Троцкий милостиво обещает ей в самые трудные дни и месяцы помочь от советских малых недостатков. И обещает еще в корне разрушить каверзную затею Америки перевести Европу на паек. Ибо «дядя Сам» совсем не такой уж неуязвимый дядя. Он и географии не знает, и с сундуками золота не умеет обращаться, а вот они, большевики знают, что с золотом делать: покойный Ильич хорошо писал — «при социализме мы из золота построим некоторые уличные учреждения». «Дядя Сам» одобряет какие-то там кампании «финансового обслуживания», прибирающие на всем земном шаре где что плохо лежит. «Дядя Сам» сам разбойник, а смеет жаловаться, что Америку изолируют от сырья. Каучук, кофе, олово, сейзель для веревки, селитра, кали, поташ все будто бы захвачено другими, так что хорошему американскому миллионеру ни кофе вдоволь напиться, ни на хорошей веревке повеситься, ни даже простой оловяной пули в череп себе пустить никак нельзя... Однако, есть Бог на свете! На американское злодейство, насилие и грабеж целого мира поднимается мститель суровый — «европейский пролетариат (об американском Троцкий забыл, вероятно потому, что с самого начала махнул на него рукой) и в союзе с восставшим кабальным Востоком вырвет контрольный пакет мирового хозяйства (неужели этот пакет все-таки будет иметь какое-либо значение?) из рук американского капитала».

Камня на камне не оставил г. Троцкий от американского капитала. Всю подноготную его разобрал, словесным ланцетом вскрыл его явные и тайные интересы и энергично все и всех, кроме большевиков и большевизанствующих, оплевал. Но невольно вспоминается старая басня мудрого Эзопа о лисице и винограде. Хитрая лисанька нашла много недостатков у винограда: и зеленый он, и оскомину набьешь, посади его, и противен он на вид... Быть может лисанька кое в чем и права была. Но главное, возбудившее ее ненависть к винограду было то, что достать его никак она не могла... Если бы декрет обожествленного Ленина осуществился! Если бы «дядя Сам» пустил милых большевиков за окошко своей кассы! Если бы заключен был в интересах мирового хозяйства и советских производительных сил союз американского капитала и советской власти! Какие бы просторы открылись... Какие бы сложные политические задачи г. г. Троцкие открыли бы у своего могущественного хозяина-союзника и как умно они бы усадили Европу не только на скудный паек, но прямо на электрический стул...

Независимость

Непериодический журнал социал-демократической мысли

Журнал «Независимость» выходит непериодически.

«Независимость» не является органом какой либо партии, но будет отстаивать положения научного социализма, которыми проникнуты программы социал-демократических партий.

Задачи «Независимости» следующие:

Распространять правильное представление о марксизме, цели, средства и методы которого чудовищно извратили — как в теории, так и на практике — большевики, последователи ленинизма, этой смеси бакунизма, ткачевщины, нечаевщины и вульгаризованного марксизма. —

Призывать к борьбе за социализм, т. е. за установление такого общественного и экономического строя, при котором пролетариатом будут уничтожены как классы, так и все условия для классового антагонизма, все условия для гнета и эксплуатации человека человеком, нации нацией. —

Разъяснить, что достижение этого величайшего идеала человечества возможно только путем демократии, т. е. при помощи политической системы, не знающей цензурных привилегий, предоставляющей каждому гражданину, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права возможность участвовать в государственной жизни и влиять на нее, ставя под открытый и строгий общественный контроль все функции государства — законодательную, исполнительную и судебную власть. —

Указывать, что одной из существеннейших сторон демократии есть осуществление права наций на самоопределение, т. е. уничтожение разделения наций на нации первого и второго сорта, предоставление каждой нации возможность быть хозяином своих политических судеб, строить собственное государство, жить совершенно независимо, или как равной с равными договариваться с другими нациями о формах совместной жизни. —

Подчеркивать, что без права наций на самоопределение не может быть проведена демократия, а, следовательно, не может быть проведен и социализм, что классовая борьба затемняется ожесточенной национальной враждой, которая в настоящее время принимает колоссальные размеры и служит одним из крупнейших препятствий для всякого прогресса. —

Обращать внимание на то, что на Востоке Европы, политика диктатуры, оккупаций, решение спорных национальных и национально-территориальных вопросов без ведома, участия, или против воли коренного населения и т. д. и т. п. создают постоянно действующий очаг национальной вражды и что прекращение этой вражды и работа по удовлетворению справедливых требований национальностей и установлению братских отношений между равноправными народами, является первым долгом не только всякого социалиста, но и подлинного демократа.

Пропагандировать необходимость тесного сотрудничества социалистов всех народностей Востока Европы и создания в рамках последней восточно-европейского Социалистического Интернационала, одного из отрядов мирового Социалистического Рабочего Интернационала. Этот отряд призван был могущественным фактором в деле установления на Востоке Европы национального мира.

«Независимость» будет информировать о положении дел на Востоке Европы, знакомить национальности с стремлениями и достижениями друг друга, и с работой национальных социалистических партий.

«Независимость» издается на русском языке, который в силу целого ряда объективных причин, стал языком сношений между народностями, входящими в состав бывшей Российской Империи.

Адрес редакции: „Nezavisimost“, Тchécoslovaquie, Horní Černošice, 121.

Tiskem »LEGIOPRAFIE«, Praha-Vrřovice, Šámová 665.